

Ш.А.Амонашвили

**Чтобы дарить Ребёнку искорку знаний,
Учителю надо впитать море Света**

*Дорогой Коллега!
Эту книгу с любовью и
трепетом я посвящаю Вам,
участнику ежегодных
Международных Педагогических
Чтений.*

Шалва Амонашвили

Господи!

*Помоги устремлениям моим
Впитать в себя море Света!*

*И помоги, чтобы я свершил
Начертания Твои во мне!*

*И расширь мою сущность,
Чтобы я смог вместить в себя
Весь дар Твой,
Ибо он велик!*

*И взыскай с меня сполна,
Если я отступлю от пути
Учителя Света.*

Аминь.

Дорогие коллеги!

Поговорим о себе – об Учителе.

Кто мы есть?

К чему мы призваны в это сложное время?

К чему мы устремлены сами и хотим устремить наших учеников?

Поговорим о том, какой нужен учитель современному детству.

Нам нужна мудрость воспитания, а не технология воспитания. Но как мы будем открывать её в себе или из каких источников будем впитывать её?

Нам нужно расширить наше педагогическое сознание. Но что это такое – расширенное педагогическое сознание?

Нам нужно осознать мощь наших устремлений.

Мощь эта очень велика. Велика до той степени, что мы должны добровольно лишиться себя права распоряжаться ею как «культурные одиночки» и поспешить к единению.

Единение всех наших личных устремлений может превратиться в ведущую Мировую Учительскую Волю – в Союз Учительских Сердец. Мировая Учительская Воля будет в состоянии освободить наше педагогическое сознание от современных рыночных заблуждений, от заблуждений авторитарной педагогики, которые угнетают нас. Она сможет противостоять злу и тьме, которые пробиваются в мире образования и стараются разрушить её основы. Мировая Педагогическая Воля способна зародить новое педагогическое мышление для воспитания нового поколения детей, которых мы сами уже называем Детьми Света.

Но пока нет Учительской Воли в масштабе всего мира, давайте для начала сотворим её в наших школах, в наших посёлках и городах, чтобы убедиться в своей светлой мощи, и распространим её благое влияние на страну, на мир. Единение наших возвышенных устремлений есть единственный дар учительского духа, что мы можем привнести в эволюционном движении

человечества. Мы в состоянии ускорить и украсить это движение, в состоянии удерживать его от отклонений.

* * *

Кто мы есть, дорогие коллеги?

Не будем себя унижать.

Если кто среди нас скажет, что он маленький человек, тем самым он унизит всех нас, всех учителей.

Нам надо, в конце концов, осознать, что Учитель есть надобщественное явление! Учитель – направляющая сила общества, и путь, по которому он ведёт общество, черпает он не столько из внешних установок, а из весьма глубоких внутренних истоков. Оттуда идут импульсы, которые питают наше чувствознание и убеждение, нашу совесть и преданность, нашу мудрость и веру.

Нам нужно только расширить своё сознание, чтобы дать этим направляющим импульсам, исходящим из недр духа, течь свободно, проявляться и придавать нам смелость в свершении своего предназначения. И мы тогда узнаем, что ведём поколение Света не к лавкам, где торгуют совестью и нравственностью, а к вершинам Культуры и Света. Мы не работаем, мы несём великое служение, ибо мы есть соратники у Бога.

* * *

Сказал мудрец: «Детям Света нужны Учителя Света».

Однако что есть Свет – нечто абстрактное или нечто сущее?

Свет есть явление Божественное.

Свет есть всё, что только возвышает духовно-нравственную природу человека и человечества. Свет есть жизнь, он есть деятельность, направленная на творение Блага, на познание и утверждение Истины.

Свет одухотворяет и облагораживает знания во имя торжества Духа и умножения Культуры.

Свет есть осознанное стремление к сотрудничеству и единению.

Свет есть любовь ко всему, что нас окружает, любовь к ближнему.

Каждый из нас, дорогие коллеги, может продолжить перечисление смысла и значения Света, и ваше доброе сердце не подведёт вас.

Наверное, вы бы дополнили: Свет есть вера, Свет есть сострадание, он есть преданность, красота и т.д., и всё это будет правильно.

Будет также верно сказать: Свет есть борьба против тьмы, против всяких её проявлений.

На вопрос же – где истоки Света и где хранится Свет, – мы бы пришли к единому ответу: и истоком, и накопителем Света является Человек. Свет в Человеке есть не сумма расчленённых понятий, а состояние его духа. Дух есть источник Света, он же есть накопитель Света. Человек в состоянии вместить в себя столько Света, насколько будет способна его свободная воля и насколько мощно он устремится к Нему. Человек, полный Света, будет щедро Его исторгать.

* * *

Придет кто-то и скажет:

– Могу быть учителем.

Спросите:

– Рычать и кусать умеете?

Если скажет: «Да!» –

гоните, он не наш.

Если скажет: «Нет, но могу научиться!» –

гоните, тоже не наш.

Если скажет: «Да, но могу отучиться!» –

берите на испытание.

Если скажет: «Извините, я ошибся адресом!» –

догоните его на улице и верните. Он наш.

* * *

Учитель есть душа, носитель Света.

Но сделаем оговорку: носителем Света является духовный Учитель. Восточная мудрость гласит: «Когда готов ученик, приходит Учитель». Это сказано о таком ученике, который осознал в себе значимость духовного Учителя и ищет его, не мыслит свою дальнейшую жизнь без Учителя. К такому ученику приходит Учитель. Ученик этот будет полностью доверять Учителю свою жизнь, будет без оглядки следовать за Ним, будет трепетно внимать его наставлениям. Он будет сознавать всю сложность пути ученичества и с согласием примет его.

Но учеником духовного Учителя редко может оказаться Ребёнок, таким может быть юноша или молодой человек, прошедший отрезок жизненного пути в размышлениях о сути вещей, Природы и Вселенной, о сути Высших Сил и собственного бытия.

Но готовы ли дети, чтобы с такой же сознательной волею искали они своих учителей и безропотно принимали на себя, принимали бы с радостью не совсем лёгкий, может быть, весьма даже тернистый путь познания? Будет ли воодушевлять наших учеников перспектива духовного роста, ожидаемая где-то вдали от сегодняшнего дня. Откажутся ли они ради такого будущего от своих, как говорят психологи, актуальных потребностей, то есть, от сегодняшних радостей и удовольствий.

Конечно же, нет.

Авторитаризм традиционной педагогики решает эту проблему путём принуждения. Логика здесь простая: дети сами не заходят брать на себя бремя учения; потому, ради их же блага, надо принуждать их с помощью всяких открытых и скрытых способов. И если кто-то из них будет упорствовать, будет мешать своим учителям, пусть родители заберут их из школы. Учителям нет дела до таких.

Но мы знаем, что в такой образовательной атмосфере пострадает самое главное: проявление и утверждение личности каждого школьника. Познание для них потеряет истинный смысл; отношение к знаниям станет такое же, как отношение к товарам торговли: купить, чтобы выгодно продать.

Мы путь такой выбирать не можем, ибо мы – Учителя Света, а знания, прошедшие через Свет, не подвергаются купле-продаже, знания служат умножению общего блага, служат ступеньками духовно-нравственного роста.

Да, это так: ученики наши пока ещё озираются вокруг, осваиваются, их начинают манить соблазны и удовольствия земной жизни. Можем ли мы ждать того дня, когда они будут готовы для нас и поспешат к нам, или сами поспешим к ним, чтобы помочь им понять, для чего они рождены? Дети не готовы своей сознательной волей следовать процессу, который их будет образовывать. Это мы должны готовить себя и поспешить к ним. Здесь закон другой: «Если Учитель готов, к нему приведут учеников». Мы не можем сказать детям: «Вот наш Свет, мы несём его вам. Если есть в вас сознательная воля, берите, сколько можете. Если нет её, приходите, когда наберёте». Наше отношение к детям другое: нам нужно приохочивать их к познанию, а также будить и развивать в них сознательную волю, Потому мы не носители Света, а скорее, мы дарители Света.

* * *

Разберёмся со знаниями.

Мы – дарители Света.

Мы знаем, что есть Свет: Он – сама Жизнь, он весь наш духовный мир, который вмещает в себя всё познанное, познаваемое и непознаваемое. Свет есть каждый из нас и все мы вместе.

Свет есть всё.

А знания?

Они часть всего этого.

Знания нельзя отделить от Света, вне Света они опасны, ибо беспризорные знания тут же вовлекают в себя тьма.

Что есть знания?

Знания очерчивают пределы свободы человека и горизонты расширения его свободы. Знания налагают и права на пользование этой свободой.

Знания есть познанная человечеством часть своих прав и дозволенной власти во всём, что его окружает и что есть в нём самом. Во внешнем мире человек открывает знания, а внутренний мир налагает на них нравственные нормы пользования ими. Знания открывают перед человеком его возможную власть во всём, но голос духа и совести призывает его к сознательному ограничению своей власти в пользу себя же самого. Здесь действует закон: «Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6, 12). Знания даются нам, чтобы мы пользовались ими только во благо. Мы открываем те тайны Природы и нашего внутреннего мира, которые соответствуют, с одной стороны, интеллектуальному уровню нашего развития на данном историческом этапе, с другой, созреванию нашего духовно-нравственного уровня. Но полученные знания часто попадают в руки людей, духовно-нравственный уровень которых ниже, чем мощь знаний. Делать вывод из этого несложно, а в повседневной жизни мы можем увидеть много реальностей того, как высшие знания используются во вред людям.

Знания как незажжённые свечи: вот зажжёт человек свечу и поставит на алтарь храма человечности, чтобы светила она всем. Так знания послужат Свету. Но если он зажжёт свечу, чтобы осмотреться, что можно украсть из храма человечности, тогда знания послужат тьме.

* * *

Придёт кто-то и скажет:

– Могу быть учителем, имею диплом.

Где же дети? Дайте мне учить их!

Могу держать их в руках.

Умею кричать и орать,

попирать и унижать.

Могу пугать, угрожать.

Могу доводить до отчаяния.

Умею ехидничать и высмеивать.

Буду винить и ругать всех и каждого.

Буду во всем отказывать.

Буду доносить родителям

и настраивать их

против своих же детей.

Умею строго наказывать.

Я бездушный, бессердечный,

мстительный, раздражительный,

грубиян, истеричный.

Что еще нужно?

Дайте учить детей...

Скажите такому:

– Мы не держим в школе

бешеных собак!

* * *

Кто же властвует над знаниями?

Конечно, человек.

Тогда перед нами – учителями – возникает непреложная задача:

воспитывать наших учеников в Свете и Светом,

чтобы не произошла через них утечка знаний

в область тьмы.

Законным владельцем знаний является Свет.

Знания охраняемы Светом.

Знания умножают мощь Света, умножают стократно, тысячекратно, делают его непобедимым. Но украденные знания также способствуют тьме.

Арифметический счёт есть знания.

Но человек со Светом будет считать на благо всем.

Человек с тьмою будет считать в пользу себя.

Есть разница?

Мы – Учителя Света.

Мы – дарители Света.

Кем же мы станем, если отделим знания от Света? То есть, будем давать знания, и пусть со Светом разберутся сами?

Послужим тьме.

Потеряем Свет и станем носителями знаний. Мы не сможем стать дарителями знаний, ибо дарить умеет только Свет.

Но оглянемся, дорогие коллеги, вокруг: не много ли завелось учителей – носителей знаний, урокодателей? Это они породили в своей авторитарной речи понятия: вооружать подрастающее поколение знаниями, умениями, навыками. А вооружать духовно, нравственно, Светом не надо? Но, видимо, для авторитарного педагогического сознания это не столь важно. Важнее всего – вооружать знаниями. И вооружают, и считают, что это есть забота об учениках, это есть их подготовка к «будущей жизни».

Вооружать!

Вооружение учеников знаниями – плохое, вредное понятие. Оружие есть то, что разрушает жизнь. Вооружён тот, кто против кого-то.

Знания же без Света есть мощнейшее оружие массового поражения. В нашей действительности это так и происходит: знания до той степени обслуживают тьму, что жизнь на земле доводится до грани разрушения. А войны сильных со слабыми затеваются иногда только для того, чтобы испробовать убийственную и разрушительную мощь нового оружия.

Попытаемся отказаться от этого понятия – вооружать будущее поколение... Оно затуманивает смысл нашего служения Свету и осложняет также постижение смысла жизни нашими учениками. наших учеников не следует вооружать знаниями, дула которых, сознательно или бессознательно, они могут направить против жизни. Лучше дарить и доверять им знания как жемчужины, которые пригодны только для украшения жизни, дарить так, чтобы творили они ими благо и красоту, облагораживали свою жизнь и жизнь других, служили Свету.

Но надо открыть в себе педагогическую мудрость, как это сделать?

* * *

Спросят:

– Как строить образование?

Отвечайте:

– Сначала лишите Ребёнка чувства собственности,
потом дарите знания.

Будет образование.

Сначала отделите Ребёнка от злости,
потом приближайте к знаниям.

Будет образование.

Сначала притупите в Ребёнке зависть,
потом обостряйте его взор к знаниям.

Будет образование.

Сначала перепашите в Ребёнке самость,
потом сейте в нём знания.
Будет образование.

Сначала воспитывайте Ребёнка,
потом обучайте его.
Будет образование.

* * *

Дорогие коллеги!

Мы часто говорим о природе Ребёнка, о том, что надо учитывать психологические особенности Ребёнка при свершении наших педагогических намерений.

Но что мы вкладывает в понятие «природа»?

Как правило, имеем в виду те возможности, которые проявляются в Ребёнке на разных возрастных уровнях.

Это, конечно, нужно. Но это узкое понимание природы.

Попытаемся расширить наше понимание природы Ребёнка.

В Ребёнке присутствует начало двух природ: природы духовной и природы материальной. Можно сказать и так: природы небесной и природы земной, или же – природы духа и природы тела. Они – разные аспекты человеческой сущности, но в земных условиях они друг без друга не существуют. Как сказано в духовных учениях, тело есть инструмент духа. Говоря иначе, дух через тело свершает задачи своей земной жизни. Таким образом, несмотря на их разность, они живут в своей целостности, они вместе составляют сущность человека, его высшую природу.

Вот и определяется наша ещё одна непреложная задача:

строить педагогический процесс сообразно сущности высшей природы ученика и учеников.

Если наши устремления и творчество помогут нам и мы откроем путь для такого подхода к ученикам, то они примут дар наш, примут с желанием и радостью, хотя не без волевых напряжений, не без умственных и эмоциональных усилий. И это потому, что между нами и нашими учениками возникнет такое проникновение друг в друга, которое Василий Александрович Сухомлинский назвал духовной общностью.

Но чтобы нам удалось достичь такой взаимности, нам нужно будет научиться постигать, понимать постоянно меняющуюся, развивающуюся сущность Ребёнка.

* * *

Дорогие коллеги!

Чтобы дарить Свет, надо его иметь.

Нам нужно иметь Свет во всей его полноте, в той полноте, какую мы в состоянии вместить в себе.

Чтобы дарить Ребёнку искорку знаний,

Учителю надо впитать в себя целое море Света.

Так сказал Василий Александрович Сухомлинский.

Здесь мы позволили себе внести одно изменение: вместо слова «дать» записали слово «дарить». Кроме того, слова «учитель», «свет», «ребёнок» написали с большой буквы, желая придать им особую значимость. Сделали это с верой, что великий педагог поймёт нас.

Пусть мудрость Василия Александровича станет законом для нашей педагогической жизни. Итак, надо впитать море Света! Но Свет мы не купим на базаре. Его надо впитывать и умножать в себе неутомимым трудом души.

Впитывать море Света значит:

– *Стремиться расширить своё сознание от Мира Земного до Мира Небесного – в этом поможет нам понимание Духовности.*

– *Постоянно совершенствовать свои знания и опыт – в этом поможет нам Творчество.*

– *Прильнуть к горным источникам педагогических знаний – в этом помогут нам Классики*

мировой педагогики.

– Вращивать в себе благородство и великодушие – в этом поможет наша Свободная Воля.

– Творить благо во всех сферах жизни – в этом поможет нам Сердце.

– Закалять себя в самоотверженной преданности – в этом поможет нам Совесть.

– Радоваться Жизни – в этом поможет нам осознание нашего Предназначения.

В нас есть силы, чтобы наполниться Светом и созидать в себе Светлого Человека, светиться для учеников наших, для окружающих, для всего мира, для Вселенной.

Свет есть источник жизни.

Стремление к Свету поможет нам наполнить образовательный мир жизнью и вытеснить из него скуку и уныние.

* * *

Спросят:

– Кто вы?

Отвечайте:

– Дарители Света.

Спросят:

– В вас самом есть Свет?

Отвечайте:

– Мы впитываем его от каждого прохожего.

Спросят:

– Умеете дарить Свет?

Отвечайте:

– Всю жизнь будем этому учиться.

* * *

Дорогие коллеги!

Не надо ли кому-либо из нас проверить, насколько желание быть Учителем искреннее и откуда оно происходит? Не случайные ли мы люди в мире образования?

Конечно, это не та аттестация, которую чинят над нами чиновники и от которой мало толку качеству образования и оценке нашего труда. Это, скорее, самоанализ, чтобы каждый из нас в сердце своём знал – кто он есть в жизни детей.

Есть такое чувство – желание, истоки которого нам не всегда известны.

Было ли у вас желание – страстное, устойчивое – быть Учителем?

Не ослабло ли оно спустя годы?

Вы сейчас не жалеете, что стали Учителем?

Какой же путь вы выбрали бы для себя, если бы начинали всё сначала?

Найдите в себе ответы на эти вопросы, и многое прояснится для вас.

Дети часто высказывают желание стать в будущем учителями.

Но спустя годы у них отпадает это желание, и они выбирают иной путь. Другие же сохраняют желание и пробуют его в жизненном опыте. И опять: кто-то видит, что это не его сфера деятельности; а кто-то, наоборот, убеждается, что нашёл своё призвание.

Есть и такие, которые, будучи школьниками, вовсе не желали и не собирались быть учителями, у них были другие жизненные планы. Но судьба, действуя по своим законам, привела их к своему истинному пути, и в них загорелось страстное желание – быть с детьми, жить ради и во имя детства.

Встречаются и такие, которые вовсе не хотели быть учителями, но, не разобравшись в себе или не справившись с обстоятельствами, оказались в мире образования. Часть из них трудится честно, со всей ответственностью и пониманием долга, они полюбили детей и полюбили учительское дело. Они не могут нести служение, но работают добросовестно. Им спасибо.

Но что сказать о тех, которые не родились для учительской жизни, не любят эту жизнь, но, тем не менее, остались в нашей среде?

Есть желания, с которыми люди рождаются – у каждого свои. Они несут их в духе. Но есть желания, как соблазны, как иллюзии, – их провоцирует среда. Желания эти могут быть и светлыми, и тёмными.

Желание, которое от духа, огненное и неуклонное.

Желание – это есть основа нашей сущности, оно есть искра Божья в нас. Оно ведёт нас к пониманию и осознанию непрерывности нашей учительской жизни, к утверждению нашего жизненного пути, нашей миссии. В нём корни нашего творчества, целенаправленной любви к детям и профессии своей. Выше всего поднимается желание общего блага, желание дарить Свет и нашим ученикам, и всем детям Земли, дарить Свет Пространству. В желании нашем мы найдём силу к устремлённому продвижению. Оно разукрашено радугой наших чувств, а вера заполняет его смыслом жизни.

Желание от духа есть вестник нашего личного будущего, оно обращено только к будущему. В нём импульсы созидания вечного будущего, которому нет конца. А само созидание будущего, творимое в настоящем, есть переживание счастья, переживание радости восхождения.

Желание, какое бы сильное оно ни было, вовсе не обещает, что устранит всякие трудности на нашем пути, убережёт нас от поражений, промахов и ошибок. Но зато обнадеживает, что при осознании жизненного смысла наших устремлений придаст силы и мужество идти против течения.

Желание от духа есть крылья наши, которые понесут нас навстречу будущему, куда устремим мы и наших учеников. Сказано:

Творить можно только тогда, когда мысль осознаёт желание; чем желание осознано ярче, тем устремление творит мощнее.

Проверим, дорогие коллеги, нашу Искру Божью! Вот критерии от мудреца, они помогут нам в этом:

– *Если учитель не проявляет терпения к первым шагам ученика, то тогда он не будет Учителем.*

– *Если учитель не поймёт путь ученика, то он не будет Учителем.*

– *Чуждо сердцу Учителя каждое притеснение ученика.*

– *Учитель наблюдает опыт ученика и лишь тихонько отведёт руку, если она касается огня.*

* * *

Дорогие коллеги!

С каким увлечением и интересом я прочёл бы книгу, в которой были бы собраны истории о том, как каждый из вас какими судьбами пришёл к детям, пристрастился к учительской жизни. Мы бы открыли в них сокровенную тайну – тайну о предназначении, о миссии. Мы бы, наверное, убедились бы, что, действительно, пути Господни неисповедимы.

К сожалению, нет такой книги. Но я приготовил для неё свои страницы. Если вы тоже сделаете это, книга получится. Осмелюсь предложить вам рассказ о себе. Это есть попытка заглянуть в то прошлое, которое привело меня в это настоящее и ведёт в будущее.

Будучи учеником, я не желал когда-либо стать учителем. Скорее, было у меня отвращение к этой профессии. Во-первых, считал её ниже своего достоинства. Во-вторых, во мне зародилось совершенно определённое желание быть журналистом. В-третьих, многих моих учителей я недолюбливал, так как чувствовал то же самое с их стороны. Мне было трудно учиться у них, а они охотно ставили мне «двойки». Я всегда переживал на их уроках страх и тревогу.

Был только один учитель, который вобрал в себя совесть всех остальных, принял меня таким, каким я был. Это была Варвара Вардиашвили, учила она нас родной литературе, но её уроки были скорее уроками человечности, красоты, возвышенной речи.

Любя её, я и поспешил поступить на факультет журналистики. Но в приёмной комиссии Тбилисского университета мне объяснили, что места для медалистов уже заполнены.

Я пришёл в отчаяние.

Тогда мой одноклассник сказал мне в фойе Университета: «Давай поступим на востоковедческий факультет. Журналистом и так станешь». И хотя о таком факультете я услышал впервые, согласился и был зачислен в группу истории Ирана.

Я увлёкся изучением персидского языка и за год освоил его так, что начал читать Рубаи

Омара Хайяма. Во мне зародилось другое желание: стать дипломатом.

Учился я с большим увлечением.

А теперь проследите, дорогие коллеги, что сделает со мной судьба.

Я был один мужчина в семье. Отец погиб на войне. Мама, инвалид второй группы, получала мизерную пенсию. И была ещё младшая сестра. Надо было помогать семье.

Я решил совместить университетские занятия с работой.

Пошёл в райком комсомола и попросил дать мне какую-нибудь работу, хоть грузчика, курьера. Мне было всё равно, лишь бы была зарплата. В райкоме комсомола мне сказали, что могут дать направление в школу на должность пионервожатого. Я не обрадовался школе, но согласился, ибо зарплата в 45 рублей была больше пенсии матери. Плюс к этому моя студенческая стипендия – и можно было бы прожить.

Посмотрите на зигзаги судьбы.

Пришёл в школу с направлением, а директор мне говорит: «Я тебя на работу не приму, выглядишь как старшекласник. У тебя нет никакого опыта, дети тебя слушаться не будут».

Возвращаюсь обиженный в райком комсомола и прошу дать работу, только не в школе.

А мне там говорят: «Только что освободилось место старшего пионервожатого в другой школе». И вручили направление.

Надо же было такому случиться!

Школа эта была та же самая, которую я окончил год тому назад!

Директор принял меня с радостью. Сказал, что я справлюсь.

Так я был назначен пионервожатым в 1951 году. С утра до пяти часов я работал в школе, а потом спешил в университет на лекции. В связи с нехваткой аудиторий занятия проходили в вечернее время. Кстати, это и поощрило меня начать работу.

Своих бывших учителей теперь я начал узнавать как своих коллег и как обычных людей. Все они, как люди, были очень даже хорошие, помогали друг другу, улыбались, интересовались, как дела, что хорошего, и тому подобное. Но как только звонил звонок на урок, из учительской они выходили будто в масках жёсткой справедливости: улыбки исчезали, голос становился нетерпимым и раздражённым.

До сих не могу объяснить такое отчуждение учителей от самих себя.

Могла ли эта обстановка возбудить во мне желание навсегда остаться в мире такой двойной жизни?

Меня поражало в школе только одно: искренность детей.

Я сдружился с ними, они приняли меня как своего человека среди учительской массы. Я действительно был недалёк от возраста старшекласника. Я помогал всем во всём, защищал каждого. Проводил для них увлекательные походы, ставил спектакли, организовывал олимпиады и вёл себя так, как старшекласник.

Но мысль о том, что я останусь в школе или вообще застряну где-то в щелях образования, не приходила мне в голову.

Понимаете, дорогие коллеги, такая мысль, хотя не приходила в голову, но, как я теперь убеждаюсь, желание, которое я нёс в духе, существовало во мне скрыто от моего сознания и просыпалось осторожно, чтобы не спугнуть меня. А мысль быть дипломатом (и уже не журналистом) всё более укреплялась во мне, тем более что среди профессоров университета я был на хорошем счету. Некоторые из них то и дело предлагали поступить в аспирантуру. Для тогдашнего времени это была весьма заманчивая перспектива, тем более для меня, который сам пробивался в жизни.

В школе я был добрым строгим авторитаром для своих пионеров. Особенно задевали меня судьбы отдельных подопечных: у некоторых отцы погибли на войне, кому-то трудно было учиться, как мне в своё время, кто-то занимался мелким воровством, обнаруживались курящие. Я не искал тогда никаких педагогических методов. Действовал, как подсказывало сердце, и видел, что мои старания не проходили зря.

Могу ли я сейчас назвать дату: в какой день и час я почувствовал, что стою на своей тропинке, в начале пути? Нет, сказать этого я не могу. Но точно знаю: это произошло в течение первого же года моей вынужденной педагогической жизни. Я мечтал о другом и рад был зарплате, которую повысили до 55 рублей, но в душе моей пробуждалось зерно, в котором было заложено

моё, – теперь не боюсь этого сказать, – предназначение, моя миссия.

И всё: я стал рабом моего осознанного желания.

Скажи кто-нибудь в конце года, что мне предстоит бросить школу и заняться совсем другим делом, я бы огорчился. Мне уже расхотелось быть дипломатом, или историком-востоковедом, или кем-нибудь ещё.

Школа!

Дети!

Хочу быть учителем!

И всё!..

Шли годы.

На этом пути я хлебнул много страданий, трудностей, нападков, клеветы, предательства, разгромов. Но всё это скорее усиливало во мне преданность к педагогической жизни, и никогда, даже находясь в отчаянии, ко мне не приходило чувство сожаления за свой выбор. Я защищал не себя, а детей во мне, которым нужна была обновлённая школа. Защищал идеи, которые начали главенствовать во мне и которые со временем вырисовывались в облик гуманно-личностной педагогики.

Я защищал докторскую диссертацию не для того, чтобы «остепениться» и обустроиться в научной жизни; а для того, чтобы открыть этим идеям путь в науку. Я занимал должности не ради кресла, а опять-таки для того, чтобы пресечь необоснованные и часто просто злобные нападки невежд на ценности гуманной педагогики.

Я не знаю чувства сожаления по поводу всего, что было в моей жизни, и прощаю всем, кто когда-то, в 60–90-е годы прошлого века, всячески старался остановить продвижение моих коллег и меня. Я даже выражаю всем им, – были они партийные босы или министры, редакторы газет, журналов, издательств, или мои коллеги по работе, – мою признательность: своим противостоянием (неважно уже теперь, какими способами) они очень даже посодействовали окрепнуть идеям, которые были выше меня.

Эту преданность своему пути так и буду беречь и впредь.

Спасибо, дорогие коллеги, что выслушали мою длинную исповедь.

* * *

Море Света и искорка знаний!

Знания – часть Света, и они составляют его могущество.

Только находясь внутри Света, знания становятся тоже Светом. Воспламенённые, облагороженные знания прокладывают путь сознанию и двигают эволюцию, несут людям благо, умножают культуру.

Знания без Света сразу попадают в сети тьмы, рождают губительные последствия. И это не абстрактный вымысел. Каждый, и мы в том числе, владеет неким объёмом современных знаний и имеет доступ к другим знаниям. Существуют ещё засекреченные знания, и они тоже в руках групп людей. Наконец, каждый день обогащается новыми открытиями, несущими мощь, но как сложатся их судьбы, неизвестно. Есть знания, которые могут предоставить огромную власть тому, кто ими овладеет. Тьма борется, чтобы захватить мощнейшие знания и засекретить их.

Если человечество могло бы проявить единую Мировую Волю, то оно сделало бы все научные лаборатории открытыми и все знания направляло бы на служение Свету. Сверхзнания даются для открытия отдельным учёным и группам учёных не для собственного пользования, а для блага человечества. Свет не торгует знаниями, он только может нести и дарить их. Но тьма торгует знаниями. Все знания, которые во власти тьмы, были захвачены, похищены, украдены.

Зачем – учителям – море Света?

Нам не нужно будет впитывать в себя море Света, если станем просто преподавателями, теми, кто передаёт молодому поколению знания из рук в руки и даже принуждает, чтобы оно взяло их. Это – то же самое, что раздавать нашим ученикам на уроках химии, математики, биологии, физики милые и красивые формулы о взрывчатках и отравляющих веществах, тут же снабжать их развитыми умениями и отшлифованными навыками, и ни на йоту не заботиться о духовно-нравственном смысле их применения. Какая будет гарантия, что ученики сразу или

после, когда покинут школу, не применяют эти формулы и эти умения для разрушения, а не для созидания?

Если учитель думает, что он лишь преподаватель, он тот, кто даёт знания ученикам, а потом контролирует и оценивает качество их усвоения, – то он не Учитель. Но мы же видим, дорогие коллеги, как удобно пристроились в нашем образовательном огороде преподаватели, эти безответственные работники, уклоняющиеся от воспитания, ибо Свет преподавать или передавать из рук в руки – невозможно. Свет дарится, и одаривание Света есть самое глубинное таинство педагогического процесса, это вроде посвящения учеников в нечто очень важное и сокровенное.

В этом таинстве – всё наше творчество: как нам жить вместе с нашими учениками, чтобы они приняли наш дар с чувством признательности и ответственности. И видим, что не обойдёмся без высокого, одухотворённого педагогического искусства.

* * *

Зачем нам море Света?

Ведь жизнь пройдёт, пока мы наполним себя морем Света!

Может быть, это просто для красного словца, которое пригодится нам для пафосных педагогических речей, а не для устремлённого на всю жизнь труда и творчества?

Но нет! Сказано было это не ради украшения речи, хотя выражение действительно красивое. А сказано было для выражения Истины.

Если мы хотим называться Учителем, то мы должны светиться своей духовностью и нравственностью, своей мудростью и любовью, человечностью и Божественностью.

И так как это идеал, который выше Кавказских гор, то мы должны набраться смелости и устремиться к вершинам, и любое устремлённое продвижение каждого из нас будет достижением не только нашим, но и всех учителей, всего человечества, всех Высших Сил Света.

Если кто этого не поймёт, будет больно за судьбы детей.

Но сами же понимаем, что без Учителя Света, без Учителей Света мир потускнеет, Солнце потемнеет, звёзды погаснут.

Не будем ждать рукоплесканий за наши усердия и восхождения, нам это не нужно, но будем торжествовать в духе за каждую искорку Света, которую впитываем в себя, стремясь к морю Света.

Кто есть альпинист?

Тот, кто поднимается к вершинам не только во сне, но и наяву. Он восходит, он уже покоритель.

Кто есть учитель?

Тот, кто пожимает руку Сухомлинскому не только в своём воображении, но в устремлении к нему на деле, в творческом педагогическом горении. Он ищет, он уже впитывает море Света.

* * *

Море Света и искорка знаний!

Кто-то озадаченно воскликнет: «Какая странная связь!»

Что есть искорка знаний?

Малюсенькое, как песчинка, знание?

Допустим: показали маленьким детям незнакомую им букву и сказали: «Это есть буква А». Что это – искорка знаний?

Или же сказали им, что один плюс один будет два. Тоже искорка знаний?

Указали им на Небе далёкую звезду: «Это звезда Альфа». Опять – искорка знаний?

Написали на доске формулу и сказали: «Это формула земного притяжения».

Изложили им теорию больших взрывов. Какое это уже знание – большое?

Рассказали о Великой Отечественной войне. Это искорка или пламя знаний?

И, вообще, зачем нам море Света, и зачем ученикам дарить знания? Не проще ли будет: объяснить им знания, они умные, запомнят, вечером поупражняются дома, завтра перескажут, каждый получит свою отметку. И мы наглядно будем видеть, как они продвигаются.

Для каких знаний нам нужно море Света?

Для таких, которые уложены в так называемых образовательных стандартах, как кильки в консервных банках?

Смешно. Не для этих дел нам нужно море Света.

Море Света не есть пусть даже самая искусная методика преподавания или обучения, или же так называемые «новые технологии образования».

Море Света нам нужно не для того, чтобы хорошо учить искоркам знаний, а для того, чтобы посвящать наших учеников Свету. Море Света в нас – это наша внутренняя просветлённость, которая открывает нам педагогическую Истину. Она не подведёт нас, а мы не подведём наших учеников.

Море Света делает нас щедрыми, великодушными, благородными, терпеливыми, сердечными, любящими и любимыми нашими учениками. А чтобы ученики росли людьми – душу, сердце и разум каждого нужно поливать именно этой живительной влагой.

Море Света – это наш магнит, который притягивает к нам учеников, они устремляются к тому Учителю, в ком Света больше. Им скучно глядеть на тусклую звезду среди ярких звёзд, а Солнцу, которое ослепляет, они радуются: можно прищурить глаза и улавливать его лучики.

* * *

Море Света Учитель впитывает не с возрастом и стажем, а творчеством и устремлением.

Говорят: мудрость приходит с возрастом. Но иногда возраст приходит один.

Радуга творчества и радость устремления наполняют Светом даже начинающего Учителя.

* * *

Искорка знания.

Это не просто знание. Тогда Василию Александровичу нужно было бы сказать о песчинке знания.

Искорка знания – это знание, пусть крохотное, микроскопическое, но обязательно с огнём. Это есть знание огненное, одухотворённое, облагороженное. Оно зажигает мысль во благо, гнездится в духе, распускает корни в сердце. Это есть знание, которое делает человека Светоносцем. Воспламенённые в море Света знания пригодны только для созидания, но не пригодны для зла и разрушения.

* * *

Сатья Саи Баба говорит:

– Существует три типа учителей:

- те, которые объясняют,
- те, которые жалуются,
- те, которые вдохновляют.

Пусть каждый из нас определит для себя, к какому типу учителей он себя причисляет.

* * *

Свет в нас – это наша сущность.

Впитывать море Света значит возвышать нашу сущность.

Призывал нас Иисус Христос: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

Совершенство наше есть наш Свет.

Но лёгок ли путь к самосовершенствованию?

Нет, конечно, он очень трудный.

«Тесны врата и узок путь, входящий в жизнь».

Труден путь этот потому, что, во-первых, нужны усилия воли, во-вторых, потому, что усилия воли нам нужно будет направлять в свой же внутренний мир – против всего того, что есть в нас

дурного и что не может украсить духовный облик Учителя.

Мы не можем выбирать лёгкий путь, ибо мы – Учителя. Перед нами нет выбора, но есть вопрос: «Как это делать и с чего начать?»

Хорошо, что есть великие люди, мысли и деятельность которых могут стать для нас образцами. Обратимся на этот раз к Учителям Учителей: к Константину Дмитриевичу Ушинскому и Льву Николаевичу Толстому.

* * *

Ушинский.

Будучи магистром Московского университета, двадцатилетний молодой человек создал себе «рецепты» самосовершенствования, включающие десять правил. Но, разумеется, он заранее проанализировал свой внутренний мир, свой характер, и задал себе такие «рецепты», строгое соблюдение которых направило бы его на путь самосовершенствования.

Вот эти «рецепты»:

1. *Совершенное спокойствие.*
2. *Прямота в словах и поступках.*
3. *Обдуманность действий.*
4. *Решительность.*
5. *Не говорить о себе без нужды ни слова.*
6. *Не проводить времени бессознательно.*
7. *Делать то, что хочешь, а не то, что случится.*
8. *Ни разу не хвастать ни тем, что было, ни тем, что есть, ни тем, что будет.*
9. *Каждый вечер добросовестно давать себе отчёт о своих поступках.*
10. *Отбросим эгоизм. Будем трудиться для потомства.*

Молодой Константин Дмитриевич, надо полагать, перечислял в рецептах те качества, которые он хотел развивать, возвращать и воспитывать в себе, или такие, от которых хотел избавиться.

Далее он создал «Журнал», в котором постоянно записывал о своих самонаблюдениях по выполнению «рецептов», и иногда вынужден был признаться, что нарушил, скажем, первое правило о совершенном спокойствии, или же – запрет на хвастовство, когда «разгуливалось тщеславие».

Спустя несколько лет Константин Дмитриевич, оказавшись перед жизненными испытаниями, опять обнаруживает, что позволяет себе некие отклонения от намеченных «рецептов». В «Журнале» он пишет: «Снова – самое строгое наблюдение над собой, над своим характером и способностями! Сделать как можно более пользы моему отечеству – вот единственная цель моей жизни».

Проходят годы и уже, находясь в должности инспектора классов в Гатчинском сиротском институте, он обнаруживает книжные шкафы с неизвестной для него педагогической литературой и жадно читает всё. А потом с грустью признаётся:

«От скольких ошибок я мог бы быть избавлен, попадись мне эти книги до моего вступления на педагогическое поприще!»

Так впитывал Константин Дмитриевич Ушинский море Света, и досталось нам от него классическое педагогическое наследие.

* * *

Лев Николаевич Толстой.

«Правила жизни» – так назвал он кодекс для себя. В них определил цели и пути своего самосовершенствования. В «Правилах» вырисовывается облик и образ жизни, к которым молодой человек хотел устремить себя. «Правила» распределены в одиннадцати группах и отражают многосторонние устремления Льва Николаевича: развитие воли телесной, чувственной, разумной; подчинение воле чувства самолюбия; развитие памяти, способности обдумывания, умения делать выводы и др. Правил около сорока, приведём некоторые из них:

- *Будь верен своему слову.*
- *Если ты начал какое-то дело, не бросай его, не окончив.*
- *Все чувственные деяния не должны быть бессознательным исполнением потребностей чувств, но определением воли.*
- *Все чувства, имеющие источником любовь ко всему миру, хороши; все чувства, имеющие источником самолюбие, дурны.*
- *Ищи в других людях всегда хорошую сторону, а не дурную.*
- *Всегда говори правду.*
- *Имей цель для всей жизни, для известного времени, цель для года, для месяца, для недели, для дня и для часу и для минуты, жертвуя низшие цели высшим.*
- *Чтоб каждый день любовь твоя ко всему роду человеческому выражалась бы чем-нибудь.*
- *Будь полезен, сколько ты можешь, отечеству.*
- *Старайся дать уму как можно больше пищи.*
- *Всякую новую тебе встретившуюся тебе мысль сравнивай с теми мыслями, которые тебе известны.*
- *Все отвлечённые мысли оправдывай примерами.*
- *Всякое деяние осматривай со всех сторон его вреда и его пользы.*
- *При всяком деянии рассматривай, сколькими способами оно может быть сделано, и какой из этих способов лучше.*
- *Рассматривай причины всякого явления и могущие быть от него последствия.*

«Ты» – это Лев Николаевич так обращается к самому себе, а не к кому-то другому.

Лев Николаевич начинает писать дневники, чтобы не упускать из виду своё движение по «Правилам жизни». Дневник он заполняет все последующие годы.

«Хотелось бы привыкнуть, – пишет он, – определять свой образ жизни вперёд не на один день, а на год, на несколько лет, на всю жизнь даже».

Позже он запишет в дневнике: «Потом в жизни я старался прилагать эти правила, выписывал из них важнейшие и задавал себе, как урок, приучиться к ним. И много, много других внутренних движений и переворотов произошло со мной в это время».

Видите, дорогие коллеги, как Лев Николаевич оценивает свои долгие устремления: «...много, много внутренних движений и переворотов...»

Что это такое?

Это то, что называется впитыванием моря Света. Как же иначе могли родиться такие лучики Света на весь мир, как Яснополянская школа, как идея свободы школы и образования, как «Азбука» и «Новая азбука», как всё толстовское направление гуманной педагогики? Он ценил свою педагогическую деятельность и свои учебники для детей не меньше чем своё литературное творчество.

«Есть у меня поэтическое прелестное дело, от которого нельзя оторваться – это школа».

Дары духа Льва Николаевича, которые есть проявление его Света, теперь наше богатство. В них мы найдём много мудрых наставлений, вроде:

«Всякий учитель должен знать, что каждая изобретённая метода есть только ступень, на которую должно остановиться для того, чтобы идти дальше».

* * *

Дорогие коллеги!

Может быть, стоит последовать примерам Ушинского и Толстого и тоже задать самому себе свои «рецепты» и свои «правила жизни»?

Вот какую возвышенную мысль высказывает Лев Николаевич о каждом из нас:

«Каждый человек – алмаз, который может очистить и не очистить себя. В той мере, в какой он очищен, через него светит вечный Свет. Стало быть, дело человека не стараться светить, но стараться очистить себя».

Вы принимаете эту идею для себя?

Считаете, что вы есть алмаз?

Тогда не будем медлить!

* * *

- Зачем глаза?
- Чтобы улавливать значимое.
- Зачем уши?
- Чтобы слышать зов.
- Зачем сердце?
- Чтобы понять другого.
- Зачем голова?
- Чтобы мыслить о благе.
- Зачем руки?
- Чтобы нести живительную влагу.
- Зачем ноги?
- Чтобы поспеть к страждущему.
- Зачем язык?
- Чтобы произнести целебное слово.
- Зачем всё это?
- Чтобы впитать море Света.

* * *

Дорогие коллеги!

Предлагаю вам сделать следующее.

Отвлекитесь от всего, что вас окружает, освободитесь от суеты и загляните в свой внутренний мир: что оттуда надо выметать?

Может быть, раздражение?

Может быть, злобу?

Может быть, равнодушие?

Может быть, зависть?

Может быть, ненависть, гордыню, грубость?

Может быть, ещё какой-нибудь мусор?

Есть такое?

Тогда призовите свою всемогущую Свободную Волю и прикажите ей сжечь собранный мусор.

Для этого берите лист бумаги, запишите на нём, то есть, заверните в него весь мусор, который не даёт вам покоя, перекрывает путь к людям, к ученикам, омрачает вашу жизнь. Скомкайте этот лист бумаги, сожгите и радуйтесь: уходит от вас нечисть! Потом оставшийся пепел бросьте в мусорный ящик, там ему и место!

Но не забудьте заложить в вашей Свободной Воле Честное Учительское Слово, что больше ваша святая обитель этим мусором не будет загрязнена.

А как быть с впитыванием Света?

Здесь всё очень просто: если выметать из сердца тьму, оно само заполнится Светом. Почистите грязные окна, и Солнце само ворвётся в комнату. Трудно будет выметать мусор, если мы к нему привыкли, но это и будет впитыванием Света.

Ну, как, вы готовы для такого подвига?

Удачи вам!

* * *

Вот ещё путь к Свету.

Спросите у окружающих вас людей: «Друзья, каким бы вы хотели меня видеть?» Спросите у ваших учеников: «Ребята, что мне такое сделать, чтобы вы шли ко мне с радостью?» Спросите искренне и примите их пожелания без обиды. И не отвергайте с порога их откровенные оценки, не

защищайтесь, не начинайте дискуссию. Выслушайте внимательно. Может быть, вам покажется, что они неправильно вас воспринимают, но задумайтесь. И сделайте так, чтобы спустя время они вам сказали: «Вы изменились!» А вы скажете в ответ: «Спасибо за помощь!» Надо оправдать их искренность и ожидание, надо преподнести им в дар ваш обновлённый образ.

Ну, как, можно ли такое сделать?

* * *

Вот ещё один путь.

Скажите самому себе, что для вас нет ничего недостижимого. А потом запишите прямо на сердце...

Нет, скажу по-другому: в вас уже посеяны семена-жемчужины Любви, Благородства, Великодушия. Снимите с них покровы и поливайте, ухаживайте за ними. Дайте им расти и цвести в вас. Ухаживайте за ними постоянно и примите для себя законы:

Любить любого и делать всё с любовью.

Быть всегда, – всегда! – великодушным.

Быть всегда, – всегда! – благородным.

И потоки Света ручейком вольются в Сердце.

Ну, как, хватит нам смелости на такой подвиг?

* * *

Вот ещё путь.

Давайте рискнём взять быка за рога: освободимся наконец-то от такого зверя в нас, каким является раздражение.

Раздражение

удручает,
разрушает,
отторгает,
ослепляет,
оглушает,
оскорбляет,
обижает,
отравляет,
оскверняет,
злит,
душит,
убивает...

Раздражение – враг духовности, враг мудрости, враг разума.

Раздражение – разрушитель любви.

Раздражение – могила великодушия, кинжал в спину благородства.

Раздражение – гонитель Света.

Раздражение – оружие сатаны.

Раздражение – удав всех наших лучших побуждений. Нельзя оставить в себе хоть тени раздражения.

Вычистить нужно всякие следы раздражения.

Гоните этого зверя от себя безжалостно, чтобы не отравлял он вашу жизнь, а вы, со своей стороны, не отравляли жизнь другим, вашим ученикам.

Не побоимся схватки со зверем.

* * *

Чем победить раздражение?

Творящим терпением!

Всю жизнь нужно лелеять в себе дар творящего терпения.

Терпение есть тот краеугольный камень, который отвергли попечители авторитарного образования, и потому наполнили его насилием и равнодушием.

Терпение есть тот краеугольный камень, который строители гуманного образования заложили в его основу, и потому расцветает в нём мудрость свободного выбора.

Творящее терпение там – где действуют сообща вера, надежда, любовь, мудрость.

Творящее терпение

пробуждает,
воодушевляет,
вдохновляет,
призывает,
уравновешивает,
доверяет,
притягивает,
вовлекает,
отрезвляет,
возвращает...

Творящее терпение есть созидатель дисциплины духа. Оно есть побудитель совести.

Оно есть условие рождения духовной общности и взаимной любви.

В нём наша скрытая воспитательная энергия. В нём торжество наших устремлений. Речь идёт о терпении творящем, которое есть проявление педагогической мудрости.

Неужели не устремимся к такому источнику Света?

* * *

Вот ещё один путь: наш внешний вид. Да, да, дорогие коллеги, внешний вид наш! Какой на нас костюм, галстук, какая рубашка? Какое платье, какой шарфик, какая брошь? Речь не идёт о роскошных нарядах. Речь идёт о единстве внешней и внутренней красоты. Не ходи, учитель, в балахоне к ученикам! Не шокируй их своей экстравагантностью! Не наводи на них уныние своим жалким видом! Не ходи к ученикам неряшливым! Не демонстрируй перед ними ни свою нищету, ни своё богатство!

Покажи элегантность, вкус, чистоту! Нельзя, чтобы от нас шёл запах пота!

Курящий пусть бросит курить! Чистота, аккуратность, простота – вот что нужно!

Лучшая красота – в простоте!

Если мы своей внешностью будем вызывать в наших учениках раздражение – это будет плохо. Если будем вызывать зависть, это тоже плохо. Если равнодушие – тоже не годится.

Мы должны нравиться ученикам – тогда мы станем для них источником Света.

* * *

Дорогие коллеги! Мы – искатели и носители Света. Давайте посетим галерею живых классиков, мудрецов и мыслителей.

У них много Света, и они любят дарить его щедро. Поговорим с ними.

Вот великий **Аристотель**, воспитатель Александра Македонского.

– Скажи нам, философ, от чего зависит успех воспитания?

Аристотель:

«Успех воспитания зависит от соответствующего уклада жизни».

Воистину, мудрость Аристотеля самая точная наука.

Константин Дмитриевич Ушинский.

Наш глубочайший поклон и признательность классика педагогике.

– Великий Учитель Учителей, поясни нам смысл гуманного образования!

Константин Дмитриевич Ушинский:

Под именем гуманного образования надо разуместь вообще развитие духа человеческого и не

одно формальное образование.

В гуманно-образовательном влиянии учения надо отличить собственно два влияния: влияние науки и влияние самого учителя.

Человека же можно развивать гуманно не только изучением классических языков, но ещё гораздо более и прямее: религией, языком народным, географией, историей, изучением природы и новыми литературами.

Реализм и гуманизм можно найти в каждой науке, и различие это заключается не в различии наук, но в различии способа их изучения.

Воистину, не только наука определяет гуманное направление образования, но сам учитель со своими способами и подходами.

Философ Иван Ильин.

Как долго скрывали его от нас.

– Назови, философ, свои главные идеи!

Иван Ильин:

– В одном человеку отказано: жить без веры.

– Источник веры – в горении сердца.

– Путь к вере и Богу именуется духовной любовью.

– Религиозность есть живая первопричина истинной культуры.

– Истинная учёность не уводит от Бога, а ведёт к нему.

– Жить – значит выбирать и стремиться.

– Только духовный опыт может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни.

– Самым глубоким и могучим источником духовного опыта и веры является духовная любовь.

– Самое важное в воспитании – это духовно пробудить ребёнка и указать ему источник силы и утешения в его собственной душе.

Спасибо философу.

Василий Александрович Сухомлинский.

Вот какими страстными словами обращается он к каждому из нас:

Возлюби Ребёнка.

Возлюби его сильнее, чем самого себя!

Уверуй, что Ребёнок чище, лучше, честнее, талантливее тебя!

Всего себя отдавай детям!

И только тогда ты сможешь именоваться Учителем!

Вот придёт некий профессор от науки, примет позу всезнающего и иронически улыбнётся этим словам. «Ребёнка надо любить в меру... – скажет он. – Отдавать ему всего себя не надо».

Кого мы послушаемся, дорогие коллеги? Послушаемся профессора или Василия Александровича?

Конфуций.

Прислушаемся, что говорит своим ученикам Почтенный Учитель Кун.

Когда благородный муж учит и воспитывает, он ведёт, но не тянет за собой; побуждает, но не заставляет; указывает путь, но позволяет ученику идти самому.

Поскольку он побуждает, а не заставляет, учёба даётся ученику легко.

Поскольку он лишь открывает путь, он предоставляет ученику возможность размышлять.

Согласие между Учителем и учеником, лёгкость учения и возможность для ученика думать самому, – и составляет то, что называется умелым наставничеством.

Самое трудное в учении – научиться чтить Учителя.

Но лишь чтя Наставника, сможет перенять его правду.

Знаете, дорогие коллеги, что со мной сейчас происходит?

Левое ухо моё слышит из глубин 2500-летнего прошлого голос, а правое ухо улавливает эхо из будущего, отдалённого от меня тем же расстоянием. С обеих сторон узнаю голос Почтенного

Учителя Куна. Вечная Истина озаряет мою душу, и я спешу влиться в толпу учеников, следующих за учителем и впитывающих Мудрость.

Леонардо да Винчи.

Наш поклон гению – художнику, мыслителю, учёному.

Он – фейерверк мудрости.

Чтобы...

– *Чтобы творить жизнь, нужна сердечная теплота.*

– *Чтобы беречь красоту, не надо пасть в грязь.*

– *Чтобы завоевать почёт и уважение, нужна не сила, а великодушие.*

– *Чтобы побудить львят к жизни, надо встряхнуть царственную гриву и издать мощный раскатистый рёв.*

– *Чтобы заново родиться, нужно летать навстречу Солнцу.*

Добавим от Сухомлинского:

Чтобы дать Ребёнку искорку знаний,

Учителю надо впитать в себя море Света.

Прекрасно!

Януш Корчак.

Сейчас мы услышим от него, как надо каждому находить свой источник Света. Он размышляет вслух.

Благодаря теории я знаю, а благодаря практике я чувствую.

Теория обогащает интеллект, практика расцветивает чувства, тренирует волю.

«Я знаю» не значит: «действую сообразно тому, что знаю».

Чужие взгляды незнакомых мне людей должны преломиться в моём живом «я».

Из теоретических посылок я исхожу не без разбора.

Отклоняю – забываю – обхожу – уваливаю – пренебрегаю.

В результате я, сознательно или бессознательно, получаю собственную теорию, которая управляет поступками.

И это много, если что-нибудь, частица теории во мне приживётся, сохранит право на существование; в какой-то мере повлияет, отчасти воздействует.

Отрекаюсь помногу раз от теории, а от себя – редко.

Ну, что скажете, дорогие коллеги, не правда ли, отличная позиция для поиска в себе учительского Света?

Павел Петрович Блонский.

Вы не смущайтесь, пожалуйста, он сейчас задаст вам прямые вопросы, а вы подумайте, какими были бы ваши ответы.

– *Учитель, смотри же, не являешься ли часто именно ты сам главным препятствием для обновления школы?*

– *Наша школа – школа жизни, но в этой школе жизни будет ли место для тебя, живой ли ты человек?*

– *Не отбываешь ли ты в классе опостылевшую тебе повинность за гроши ежемесячного жалования, и не проходит ли твоя личная жизнь где-то в стороне, то в томлении и тоске «культурной одиночки», то в моральном падении и опустошении души?*

– *Любить надо не школу, а детей, приходящих в школу; любить надо не книги о действительности, а саму действительность; не жизнь надо суживать до учения, но надо расширять учение до жизни!*

– *А самое главное: любите жизнь и как больше живите живой жизнью!*

– *Учитель, стань человеком!*

Антон Семёнович Макаренко.

Как вы думаете, дорогие коллеги, о чём он хотел бы с нами поговорить? О воспитании мужества, которое мы забросили. Свет не достанется трусливым, а только храбрым,

мужественным.

Мужество!

Попробуйте серьёзно, искренне, горячо задаться целью воспитания мужественного человека. Ведь в таком случае уже нельзя будет ограничиться душевными разговорами. Нельзя будет закрыть форточки, обложить ребёнка ватой и рассказать ему о подвиге Папанина. Нельзя будет, потому что результат для вашей чуткой совести в этом случае ясен: вы воспитываете циничного наблюдателя, для которого чужой подвиг – только объект для развлечения, развлекательный момент.

Нельзя воспитывать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество, – всё равно, в чём: в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости, в смелости.

Только мужественный Учитель способен воспитывать мужество в своих учениках. От трусливых и пугливых учителей такого ждать не приходится.

Ян Амос Коменский.

Он нарисует нам портрет Учителя. Узнаем ли мы в нём себя?

- Учителями должны быть люди набожные, честные, деятельные и трудолюбивые.
 - Не только для вида, но и на самом деле они должны быть живыми образцами добродетелей, которые они должны привить ученикам.
 - Настоящие учителя полагают, что они поставлены на высоко почётном месте и что – им вручена превосходная должность, выше которой не может быть под Солнцем, именно, чтобы,
 - маленькое подобие Бога доводить до сходства с Богом.
 - Ближайшая задача будет состоять в том, чтобы
 - мощно увлекать учеников благим примером, и чтобы
 - ученики воспитывались по образцу Учителя.
 - Наши учителя должны остерегаться походить на подорожных указателей, которые показывают, куда нужно идти, а сами не идут.
 - Учителя должны заботиться о том, чтобы быть для учеников в пище и одежде – образцами простоты, в деятельности – примером доброты и трудолюбия, в поведении – скромности и благонравия, в речах – искусства разговора и молчания.
 - Словом, быть образцом благоразумия частной и общественной жизни.
 - Они относятся к ученикам по-отечески, с серьёзным, страстным желанием им успехов.
- Есть над чем думать, не так ли, дорогие коллеги!

Иоганн Генрих Песталоцци.

Ему уже восемьдесят лет, и он поёт «лебединую песню», посвящая нас в своё сокровенное.

- Вот истина, подтверждаемая при всех обстоятельствах: действительно, истинно и природосообразно формированию способствует лишь то, что захватывает человека, воздействуя на силы его природы во всей их совокупности, т.е. сердце, ум и руки.
- Истинное природосообразное образование по самой своей сути вызывает стремление к совершенству, стремление к совершенствованию человеческих сил.

Григорий Саввич Сковорода.

Нас ждёт весьма интересная и поучительная притча о Свете.

Дед и баба сделали себе хату, да не прорубили ни одного окошечка. Не весела хата. Что делать? После долгих размышлений решили выйти на свет и там достать Свет. Взяли мех, разинули его в самый полдень перед солнцем, чтобы набрать будто муки, и внесли в хату.

Сделали так несколько раз. Есть ли Свет? Смотрят, ничего нет. Догадалась баба, что Свет, как вино, из меха вытекает. Надобно поскорее бежать с мехом. Бегучи, застряли в дверях. Зашумел между ними спор. «Конечно, ты выжил из ума». – «А ты и родилась без него». Хотели подняться на высокую гору за Светом, но помешал им странный монах. «За хлеб-соль я открою вам секрет», – сказал он. По его совету старик взял топор и начал прорубать стену, приговаривая: «Свет весёлый, Свет жизненный, Свет повсеместный, Свет присносущий, Свет

нелицеприятный, посети и просвети, и освети храмину мою». Вдруг отворилась стена и храмину наполнил сладкий Свет.

Что же получается, дорогие коллеги?

Зачем нам наполнять мехи Светом, чтобы таскать их вовнутрь.

Надо прорубить окно изнутри, чтобы дать Свету наполнить нас. А это окно не должно быть с видом на наши земные блага, а с видом на духовность свою.

* * *

Хорошо бывать в галерее живых классиков и мудрецов – наполняешься Светом.

Каждый из них говорит о чём-то своём, но не кажется ли вам, дорогие коллеги, что забота каждого – об одном и том же? Все они – люди разных эпох – строители от одного Храма. Может быть, у всех у них есть один Архитектор, и они выполняют его волю? Какая разница, из каких они эпох. Если уж выискивать, откуда они, то наш взор обратится на будущее, отдалённое от нас до Вечности. Все они, во главе своего Архитектора, стремятся утвердить в мире земного образования понимание Вечности. Смотрите, кем заложены камни Храма, и что на них высечено:

«Учитель» – Конфуций.

«Человек» – Сократ, Платон, Аристотель.

«Душа» – Квинтилиан.

«Радость» – Витторино да Фельтре.

«Мудрость» – Коменский.

«Любовь» – Песталоцци.

«Народность» – Ушинский.

«Свобода» – Толстой.

«Оптимизм» – Макаренко.

«Преданность» – Корчак.

«Сердце» – Сухомлинский.

Среди этих великолепий мы увидим камни, сияющие лучистыми мыслями и чувствами. Их клали преданные невидимому Архитектору великие деятели образования и творцы человеческих жизней и судеб.

И пришло время нам тоже поучаствовать в строительстве Храма, тоже послужить восхождению землян к Свету.

И что же мы высечем на нашем камне?

Примет ли Архитектор камень, на котором будет написано: «технологии», или же «стандарты», или же «ЕГЭ», или же «ЗУНы»? Архитектор сочтёт эти камни надругательством над Вечностью, превратит их в пыль.

А если на нашем камне мы со всем своим творчеством, со всем своим усердием и устремлённостью высечем слово «Духовность»? Преподнесём Архитектору дар наш и скажем: «Это от Учителей Двадцать Первого Века»? Что ответит нам Архитектор?

Пусть каждый из нас, дорогие коллеги, услышит в сердце своём Его голос.

* * *

На наших книжных полочках стоят книги классиков педагогики, мудрецов, мыслителей. И находим время, когда мы протягиваем руку, берём одну из них и вдумчиво читаем. А потом оставим открытой на рабочем столе: книга будет ждать нас, а мы будем спешить к ней.

Дорогие коллеги!

Может быть, в ком-то из вас возникнет желание сделать кого-либо из Учителей Человечества своим Учителем?

Разве не будет радостью и гордостью для нас быть учениками Коменского или Песталоцци, Ушинского или Сухомлинского, Макаренко или Корчака... Нам нужно только твёрдо сказать самому себе: «Я ученик Константина Дмитриевича Ушинского... или Василия Александровича Сухомлинского... или Антона Семёновича Макаренко... или...» А дальше читать книги своего учителя, мысленно с ним общаться и советоваться. Надо читать книги других Учителей тоже, но с

целью более глубокого постижения своего Учителя и утверждения его идей в своём творчестве. Надо уметь быть преданным своему Учителю, иначе оборвём луч Света.

Учитель постоянно сопровождает нас.

Готовимся для завтрашних уроков – Он рядом с нами, советует.

Мы на уроке – Он наблюдает, подсказывает, улыбается нам.

Мы ошибаемся – успокаивает, помогает разобраться.

Мы перед Ребёнком, нам нужно моментально решать воспитательную задачу – Учитель шепнёт мудрость.

Нас покидает терпение, покидает воля – Он поделится своим терпением и волею.

Мы в творческом горении – подаст искру смелости, догадливости.

Он с радостью подарит нам весь свой Свет.

Он поможет нам очиститься и будет гордиться нами. Он полюбит нас.

Отведёт от гордыни, от зависти или от какого-либо унижающего нас поступка.

Увидят ученики наши, что держим в руках томик.

Спросят:

– Что это за книга?

А мы ответим:

– Это – книга моего Учителя.

Удивятся они:

– Вы же сами Учитель?! Разве у Учителя есть Учитель?!

Мы ответим:

– Я Учитель для вас, но Ученик для своего Учителя.

Спросят:

– Чему Он вас учит?

Мы скажем:

– Учит, как впитывать море Света.

Спросят:

– А вы прилежный ученик?

Мы ответим:

– Пусть ваше чуткое сердце заметит, как я расту.

Спросят:

– Где ваш Учитель? Он жив?

Мы ответим:

– Он жив, Он всегда рядом со мной. Он учит, чтобы я тоже был всегда рядом с вами.

* * *

Дорогие коллеги!

Дадим ли нашего учителя на поругание?

А такое ведь бывает?

Есть так называемые остепенившиеся учёные, которым очень хочется утвердиться и прославиться в мире образования, в сообществе учёных.

Что для этого нужно?

Нужна мощная свежая идея, нужна основательная творческая практика.

А если этого у него нет?

Тогда есть испытанный способ: выбрать какого-либо классика, какое-либо прославленное имя (особенно тех, которых нет в живых) и яростно на него нападать, критиковать, опровергать. Шум привлечёт внимание многих и имя критикана будет у всех на устах. Он уже становится известным. И может случиться, что ему подобные «увидят» в нём учёного, с которым надо считаться.

Так критиковали Сухомлинского за то, что он, видите ли, исповедует «филантропический» гуманизм.

А потом такие критиканы становятся профессорами, их могут выбирать в академики.

Так критикуют Выготского за его теорию развития, самую признанную в мире теорию, чтобы

на этой почве утвердить свои несостоявшиеся «идеи» и «методические системы».

Так критикуют Макаренко за то, что его теория коллективного воспитания якобы несостоятельна, и это вопреки действительности.

Так критикуют Коменского за то, что, видите ли, «он погубил школу», придумав урок. Как защитить Учителя?

Защитить нужно не ответной критикой и нападками, не шумихой, превосходящей шумиху критиканов, а усилением своей творческой деятельности и демонстрацией силы идей Учителя.

Нам говорят мудрецы: лучшей защитой будет развитие действия в сторону невраждебную; можно разбить враждебные утверждения созиданием новых опытов. Как же должен был поступить истинный учёный? Послушаем, что скажет нам по этому поводу Песталоцци:

Я закончу свою лебединую песню словами: подвергайте всё испытанию, сохраните хорошее, а если в вас самих созрело нечто лучшее, то правдиво и с любовью присоедините к тому, что я пытаюсь также правдиво и с любовью дать вам на этих страницах.

* * *

Дорогие коллеги!

Кто из вас хочет внести в педагогическую науку свой вклад?

Идите в науку, освещайте своим Светом дебри науки. Внесите в неё понимание любви, радости и духовности.

Сознание многих учёных окутывает паутина мёртвых понятий.

Если хотите омертвить творческое педагогическое горение, подвергайте его обнаучиванию. Тогда с лёгкостью достигнете того, что оно, это горение, и для вас потеряет смысл, и другим будет трудно воспламениться от вас.

Педагогика – это живая жизнь, а не груда принципов и понятий; педагогическое творчество – как всплеск живой жизни, которая устремляется ввысь.

Наука только умеет консервировать живое творчество в застывших понятиях. Но когда откроем консервную банку, наука оттуда будет смотреть на нас как мумия.

Только живое восприятие творческого опыта, только живое образное слово могут сохранить притягательную силу педагогических устремлений.

Мысли, идеи гибнут в порыве их обнаучивания. Учёные больше любят вычисления и диаграммами, таблицами и схемами, чем живым Ребёнком. Они забывают о Ребёнке. Педагогическая наука сперва отречётся от детей, а потом займётся своими абстракциями и нормативами.

А дети, дети Света зовут на помощь!

Ребёнок в толпе.

Ребёнок в семье алкоголиков.

Ребёнок среди наркоманов.

Ребёнок среди извращенцев.

Ребёнок бомж.

Ребёнок брошенный.

Ребёнок презираемый.

Ребёнок обездоленный.

Ребёнок в руинах войны.

Ребёнок в мире криминала.

Ребёнок в болоте дурных зрелищ и соблазнов.

Ребёнок, угнетённый богатством.

Ребёнок, угнетённый нищетой.

Ребёнок во тьме равнодушия.

Ребёнок в агрессии взрослых.

Ребёнок – товар.

Ребёнок – сырьё.

Ребёнок – валюта.

Ребёнок во тьме.

*Ребёнок в злобе.
Ребёнок голодный.
Ребёнок замёрзший.
Ребёнок в горе.
Ребёнок у пропасти.
Ребёнок перед смертью.
Ребёнок без школы.
Ребёнок без Учителя.
Ребёнок без Учителя!
Ребёнок без Учителя?!
Ребёнок...
Ребёнок...
Ребёнок...*

Вот вам, искатели науки, педагогическое поле брани! Напишу отзыв, выступлю оппонентом, стану научным руководителем, проголосую за, – если только защищается диссертация о том, какой наукою сердца был спасён один единственный Ребёнок, который мерится не диаграммами и таблицами, не схемами и вычислениями, не мёртвыми понятиями и лживыми выводами, – а слезами диссертанта, обильно пролитыми на каждой странице его труда!

Истинная педагогическая диссертация – как манифест
– Сердца – раненого от детских трагедий,
– Духа – возмущённого общественным равнодушием,
– Рыцаря – мчавшегося с копьём за спасение чести и достоинства педагогической науки.

А иначе зачем она?

Может быть, чтобы сразу после так называемой «защиты» бросить её в камин и согреть руки.

От такой «научной» работы не будет Света.

Дорогие коллеги, Учителя – Светоносны!

Спасите педагогическую науку, входите в неё со своими факелами!

* * *

Иметь море Света, чтобы дарить его ученикам!

Это желание прекрасное.

Но надо ещё уметь дарить Свет.

Уметь!

Иначе дар наш, может быть, не будет принят учениками.

Сначала, дорогие коллеги, давайте воодушевимся тем, что в огненном желании нашем, с которым мы родились, было заключено зерно наших профессиональных способностей.

Каждый из нас внутри своего зерна уже есть талантливый Учитель, уже имеет неповторимый Учительский Образ.

Можно сказать смелее: мы родились, чтобы стать Учителями от Бога.

Однако надо дать зерну проявиться, чтобы стало оно нашим творческим умением, которое и поведёт по пути восхождения к вершинам педагогического мастерства.

Для этого нужно:

во-первых, чтобы Сердце и Разум лелеяли в себе воображаемую Учительскую Жизнь;

во-вторых, чтобы воображаемая Учительская Жизнь столкнулась с реальной педагогической действительностью.

Вот тогда и будет видно: не разобьётся ли наше воображение, как хрустальная ваза, не наступит ли разочарование, за которым последует бегство. Ибо педагогическая действительность не есть райский уголок, где разгуливают дети-цветы, дети-ангелы, глядя в глаза своим наставникам и улавливая каждое их наставническое слово и движение.

Нет, в этом образовательном уголке каждый ребёнок проявляет свой неповторимый характер.

Хотят ли дети воспитываться?

Да, но с условием: беречь сущность каждого.

Хотят ли дети учиться?

Очень даже, но без насилия.

Полюбят ли они своих учителей?

Только тех, которые будут дарить им Свет с любовью.

Конечно, возникнут трудности в проявлении наших стараний и творчества. Но мы сможем преодолеть их, если:

– *наша свободная воля станет на страже нашего огненного желания;*

– *будет вдохновлять нас чувство устремлённости;*

– *трудности будут осмыслены как необходимые условия для нашего роста;*

– *ошибки станут для нас уроками, на которых будем учиться.*

Желание быть Учителем должно закаляться в огне опыта, который выявляет наш неповторимый личностный образ. Но чтобы образ устремился к наиболее полному проявлению, нам нужно будет погрузить его в творческое горение. И так как совершенству нет предела, то будем неустанными и упорными в наших поисках и стараниях.

Наша внутренняя учительская жизнь, проходящая через внешнюю, обретёт путь постижения педагогической мудрости. Чтобы стать Учителем от Бога, надо верить в свою Искру Божью.

Сомневающийся в своих возможностях таким никогда не станет.

* * *

Трудностей, с которыми мы сталкиваемся в своей учительской жизни, очень много.

Часть из них бытового характера – они иногда отбивают охоту быть Учителем. Часть связана с условиями администрирования, в которых мы оказались – от них тоже может пострадать наше устремление. Нам нужно их выдержать. Хотя бывает и так, когда такого рода трудности не возникают: нет сложных бытовых проблем, а администрация идёт нам навстречу, поощряет нас, поддерживает и защищает.

Но есть трудность благословенная, которая, если мы примем её мужественно, то на всю жизнь охватит нас стремлением педагогического совершенствования.

То, что наше желание дарить ученикам Свет – огненное и радостное, – это ясно. Ясно также, что у детей тоже есть духовная устремлённость к Свету. Но надо ли нам воображать, что ученики так и примут наш дар – трепетно, радостно и с нетерпением? Например, так же, как мама даёт проголодавшемуся младенцу грудь, а тот ухватывается за неё обеими ручками и начинает жадно сосать, и не остановится, пока не насытится. Вот тогда и можно будет радоваться матери, видя блаженное личико ребёнка – дар её был принят и принёс ему пользу. Матери не нужно специально искать какое-либо сложное искусство, чтобы склонить ребёнка к кормлению. Это искусство не требует особых усилий воли и особой творческой практики: оно раскрывается в ней само собою, естественно.

Но ученики так же просто принимать Свет от Учителя не будут. Если бы впитывание Света учениками было так же естественно, как младенцы кормятся грудью, то потеряли бы смысл многие понятия, которые сейчас являются для нас загадкой: педагогическое искусство, педагогическое творчество, воспитание, обучение и т.д. Наш акцент переместился бы на проблемы: что и какие знания дать детям, чтобы им это было полезно, по какому режиму это делать. Такого рода проблемы, конечно, не потребовали бы от нас ни педагогического искусства, ни педагогическую науку.

Что это за священная трудность, которая никогда не даст покоя нашему творчеству, и всегда будет вести нас на грани испытания нашей учительской воли?

Обратимся, дорогие коллеги, к классику мировой психологии, Дмитрию Николаевичу Узнадзе, он поможет нам в этом разобраться.

* * *

Предлагаю вам осмыслить идею Дмитрия Николаевича об основной трагедии воспитания, и позволю себе приложить свои суждения.

Вначале условимся, что я буду пользоваться понятием «педагог» и буду иметь в виду: учитель, воспитатель, наставник, отчасти и родитель. Также в понятие «подросток» буду включать

смысл: воспитанник, ученик, ребёнок, школьник. Это избавит нас от лишних комментариев и повторов.

А теперь сама идея об основной трагедии воспитания.

На пути педагогической практики в обилии встречаются ухабы, о которые спотыкается любой педагог. Но среди них есть один самый главный, самый опасный. Он пронизывает самую сердцевину педагогической практики. Имеется в виду пропасть, которая образовалась между устремлениями педагога и устремлённостью подростка.

Педагог стремится к благоденствию подростка. К своему благоденствию стремится и подросток. Эти устремления, по логике вещей, должны зародить между ними взаимопонимание и единение. Но на деле получается, что подросток избегает педагога, не хочет подчиниться его желаниям. Что же является причиной этого удивительного явления?

Причина в том, что педагог и подросток по-разному представляют благоденствие. Педагог видит в нём социальные цели, а подросток исходит из своих собственных интересов. Получается, что благие намерения педагога в отношении подростка последний воспринимает как покушение на его жизненные интересы.

Подросток защищает и охраняет свои личные устремления, он живёт моментом, он раб момента. Он не верит в будущее и никогда не променяет его на настоящее, никогда по своей природной воле никому не уступит своё удовольствие настоящего.

Педагог же своими интересами и заботами коренным образом противодействует такому настроению подростка: ему нужно ковать счастье будущего поколения, готовить подростков для будущей жизни. Потому он выдвигает перед ними свою волю как закон.

Но захотят ли подростки пересадить в свою духовную сущность чужой саженец и вырастить его? Многие из них возразят против воли своего педагога, многие с радостью уклонятся от неё, некоторые будут проявлять дерзость, грубость, прямое непослушание. Будет обман, будут хитрости. Конфликтам разного порядка не будет конца.

«Так рождается внутреннее противоречие, своего рода антиномия: стремление к нравственности вызывает в стенах школы безнравственность», что подвергается санкциям и наказаниям.

И становится возможным также явление, когда педагог вынужден проявить несправедливость, чтобы тем самым утвердить большую справедливость. А это совсем не будет понятно подростку, как деяние ради его же будущего блага. И начнётся вторая спираль недоразумений. Складываются долго действующие обстоятельства, которые сохраняют и укрепляют соперничество и раздор, и которые расщепляют единый образовательный процесс.

Вот какая трагедия воспитания! Педагог несёт подростку свои благие намерения насчёт его будущего. А подросток не то что с благодарностью принимает устремления педагога, но, в силу своих актуальных жизненных потребностей опровергает их, считает действия педагога агрессивными.

Может ли педагог отказаться от своих намерений в отношении подростка? Не может. Это его обязанность, это социальный заказ, который он обязан выполнить.

Тогда может ли подросток отказаться от своих актуальных потребностей, чтобы подвергнуть себя влиянию педагога? Тоже не может, потому что такова его природа.

И раз подростки добровольно не сдадутся, то педагог вынужден прибегать к насилию. Получается, что принуждение есть объективный закон образовательного процесса.

«Так идеал вторгается в действительность, и победа всегда остаётся за последней. Воспитатель всегда выносит из своей практики разбитые идеалы, а у подростка остаётся в памяти лишь история своего воспитания, да и она – как неприятный, дурной сон».

Трагедия усугубляется ещё другими обстоятельствами.

В школе педагог имеет дело не столько с одним, сколько с группой подростков. Может ли педагог повлиять на личность каждого, учесть интересы каждого, когда подростков много? Если это было бы возможно, вроде казармы, где офицер подчиняет тысячу солдат как одного, – тогда проблема воспитания личности не возникла бы перед нами. Но дело в том, что в воспитании личности мы должны иметь дело не со всеми сразу, но поодиночке.

Это обстоятельство создаёт неизбежную трудность. И это потому, что педагог должен исходить из общих интересов воспитания характера, из интересов общей дисциплины, отсюда

даже индивидуальный подход к подростку он будет осуществлять с целью подчинения его непонятным ему общим установкам и невидимому будущему. А личные устремления его будут учтены в той мере, в какой они совпадают с общими установками.

«Чувствуете ли вы остроту трагедии воспитания?» – задает нам вопрос Дмитрий Николаевич.

Наверное, именно это вынудило кого-то бросить «эту симпатичную» – педагогическую – деятельность. А кто и сегодня несёт это тяжёлое ярмо воспитания, эта трагедия для него будет по-настоящему актуальным переживанием. Трудно встретить такого педагога, который был бы полностью доволен своей работой. Будущему педагогу всегда говорят об огромном значении воспитания молодого поколения – ковать счастье человечества. Им говорят, что профессия педагога есть самая увлекательная, и быть педагогом достоин не каждый, а только искренний человек.

Но как только он вкусит всю сладость и горечь образовательной практики, тогда и начнёт понимать, что означает это увлекательное выковывание счастья.

«Вот почему выслушивание этих фраз вызывает у педагога ироническую улыбку. Он уже не верит в величие своей профессии, и его опыт и практика подорвали веру в это и вместо красивых картин раскрыли перед ним горькую действительность, – из кузнеца счастья он превратился в источник бед для подрастающего поколения. Он чувствует это, он каждую минуту готов махнуть рукой на свою профессию и искать счастья в другом месте».

* * *

Дорогие коллеги!

Дмитрий Николаевич Узнадзе, как вы, наверное, догадываетесь, имеет в виду авторитарного педагога и авторитарную педагогику. Это такое видение образовательной действительности, когда педагог трагедию, провоцируемую объективным законом принуждения, принимает как свою трагедию и не видит трагедию подростка. В таком образовательном процессе делается жёсткое заключение: прямыми или скрытыми способами давить на противостоящую себе силу. Сила против силы, зло против зла! Что из этого может получиться? Конечно, не все педагоги, не все подростки разбегутся в разные стороны. Подростки будут ходить в школу, будут учиться, даже найдут в школе некую радость жизни. Но скука школьная, всё равно, не покинет их. Потому они, как правило, будут искать жизнь, свободу и удовольствия своих личностных устремлений скорее не в школе или в занятиях, а в совсем других сферах и других сообществах. А беда в том, что нет никакой надежды, чтобы современная социальная среда повсеместно благоприятствовала рождению и развитию в подростках духовно-нравственных и познавательных ценностей.

Противоречия в образовании, откуда истекает трагедия воспитания, есть объективная действительность. Да, подросток всегда будет защищать свои актуальные потребности, ибо в них радость и удовольствия. Как выразился Дмитрий Николаевич, он раб актуального момента. Это так будет и впредь, ибо такова природа в подростковом возрасте, такова его сущность.

Но вот о педагоге можно сказать: останется ли и он тоже рабом (разумеется, не своих актуальных устремлений) тех ложных представлений, которые он воспринимает от авторитарных образовательных традиций, считая их истиной? Если да, тогда он окажется в зарослях авторитаризма. Нельзя быть гуманным, оставаясь авторитарным. Нам будет только очень жаль, что ему не удастся познать в своих учениках современное поколение детей, которых мы называем Детями Света, и не порадует себя устремлением впитывания моря Света.

Дмитрий Николаевич не делает из факта трагедии воспитания трагические выводы. Скорее, наоборот.

Да, «это противоречие носит постоянный характер, это неизбежная трудность, возникшая в самой сердцевине воспитания».

Но с законами природы в подростковом возрасте бороться не надо. Раз закон актуальных потребностей в подростковом возрасте существует, значит, это правильно. Нет неправильных законов у природы. Нам лучше понять закон, сотрудничать с ним, и это будет в пользу и подростку, и педагогу.

Наша Педагогическая Воля, тем более объединённая, да ещё тем более творческая, в состоянии изменить направление образовательного процесса, и объективный закон принуждения не направит подростков на отчуждение от нас.

Дмитрий Николаевич искал выход в экспериментальной педагогике, что равносильно гуманной педагогике.

Экспериментальная (для нас – гуманная) педагогика, говорит он:

- разворачивает перед нашим взором картину психической жизни подростка;
- знакомит нас со всеми потенциальными и активными силами, скрытыми в его душе;
- открывает все богатства, заключенные в глубинах души подростка;
- проявляет то направление, по которому идёт развитие его духовной жизни;
- даёт знать о существенных признаках всех главенствующих этапов развития.

А теперь о заключениях Дмитрия Николаевича:

«...И всё это, конечно, даст возможность безболезненно и ненавязчиво сочетать наши цели социального характера с материалом духовного богатства ребёнка, с направлением его естественного развития.»

«Таким образом, почти незаметно мы достигнем цели: устремления социального характера станут частью личных устремлений ребёнка и будут усвоены.»

И далее:

«Ознакомление с духовной жизнью ребёнка, особенно с развитием его естественных интересов откроет широкий путь любому воспитательному воздействию и, тем самым, ощутимо ослабит неистовство того трагического потока, который рождается и несётся на почве воспитания.»

* * *

- Я не могу писать контрольную, видите, руку сломал.
- Пиши левой рукой.
- Будет неразборчиво, вы не поймёте.
- Это наша проблема.
- Не могу писать левой рукой.
- Напишешь контрольную через неделю.
- Через неделю не вылечусь.
- Напишешь, когда вылечишься.
- Я не знаю, когда...
- В конце года.
- Вряд ли.
- Тогда дадим переэкзаменовку на осень.
- Боюсь, что и тогда рука будет болеть.
- Ну что же, не получишь аттестат.
- Это всё, чем вы можете утешить меня.
- А что ещё?
- Надеждой какой-нибудь...
- Это школа, а не богадельня.
- Ну ладно, раз так. Это я нарочно забинтовал руку, чтобы испытать вас.
- Как ты посмел...
- Это почему? Должен ведь я знать, на чьей вы стороне!
-

* * *

Дорогие коллеги!

Предлагаю избавиться от одного заблуждения, которое влечёт за собой бесконечное множество неверных толкований и действий. Заблуждение заключается в тезисе о том, что школа готовит детей, молодое поколение, к будущей жизни.

Давайте сперва разберёмся, о какой подготовке и для какой будущей жизни идёт речь.

С религиозной точки зрения будущая жизнь – это жизнь в Царстве Небесном, она вечная, и может начаться после ухода человека из земной жизни, из жизни в материальном мире. Церковь

считает, что земная жизнь есть подготовка для жизни будущей – Небесной. Такой подготовке способствует религиозное воспитание и жизнь по заповедям данной религии.

Педагогическое учение Яна Амоса Коменского имеет в виду именно такую подготовку молодых людей в условиях семьи и школы. Точнее, имеется в виду такое светское образование, которое направит душу растущего человека к Богу. Главы «Великой дидактики» гласят: «Эта жизнь является только подготовлением к вечной жизни»; «Есть три ступени приготовления к вечности: познание себя (и вместе с собой всего), управление собой и стремление к Богу».

Для церкви будущая жизнь – вполне конкретное понятие, и потому, исходя из цели, она может наметить содержание и пути воспитания. Религиозные школы направляют поколения (не только молодые, но и старшие) к такому пониманию будущей жизни и соответствующему ей образу жизни на земле.

Константин Дмитриевич Ушинский призывает, чтобы светские, народные школы сохранили в себе «разумную религиозность».

Современные светские, в первую очередь, государственные школы не ставят задачу такой подготовки своих учеников к будущей жизни. Они имеют в виду подготовку молодого поколения для той части жизни, которая начинается после завершения одного из этапов среднего и, может быть, высшего образования. Светская школа не заботится о той жизни, в которую уходит человек после смерти, ибо считает, что религиозная вера и жизнь по законам веры – это свободный выбор человека.

Мыслится, что жизнь, для которой школа готовит молодое поколение, должна начаться спустя завершения среднего или высшего образования, особенно же тогда, когда молодой человек приобретает профессию и приступает к самостоятельной трудовой жизни.

Чтобы готовить поступившего в первый класс Ребёнка для будущей жизни, нам будет необходимо знать: какая будет эта жизнь спустя два десятилетия. Нам нужно будет ответить на вопрос: эта будущая жизнь ждёт молодых людей там, или в том будущем пока пустота, и только своим приходом они наполнят её смыслом?

Есть и не менее важный вопрос: каково качественное соотношение между жизнью, которая уже есть, и жизнью, которая наступит спустя десятилетия? Одно из трёх: или будущая жизнь будет гораздо лучше нынешней (но в каком смысле: экономическом, культурном, духовно-нравственном?), или она будет такая же, какая сейчас, или будет хуже, чем сейчас (тогда надо готовиться к худшим временам).

У нас нет ответа на эти вопросы. Знали бы мы точно, что ждёт подрастающее поколение в будущем (как это знает Церковь), то мы, действительно, приняли бы педагогические меры, чтобы молодые люди, вступившие в неё, могли бы выжить, могли бы сохранить жизнь, или же, если она обязательно будет светлая, обогащали её.

Но знать на сто лет вперёд, как изменится жизнь и, особенно, как в ней надо жить и действовать, – мы пока не научились. Значит, подготовка нынешнего школьного поколения для жизни, которая будет в 50-90-е годы двадцать первого века, скорее станет блужданием в потёмках.

Реальная школьная жизнь в целом, конечно, никакая ни подготовка к будущей жизни. Это так же, как и нынешние поколения взрослых (скажем, моё поколение 30-х годов прошлого века), не получили в школе никакой подготовки к жизни, хотя только и шла речь, что нас воспитывали как верных строителей коммунизма, что считалось «светлым будущим». Но настало время, пришло это будущее, стало оно настоящей жизнью 80-х, 90-х годов и начала двадцать первого века, – и в ней потеряли смысл ценности, для которых нас готовили. Что же произошло с людьми, в которых когда-то вкладывали идеалы будущей светлой жизни? Пришло разочарование, растерянность, конфликт с новым временем, крушение надежд и т.д. и т.п.

Туманный смысл о подготовке поколения к будущей жизни не может стать в нашей образовательной деятельности более или менее естественным инструментом для воодушевления наших учеников, мы не можем им сказать: «Смотрите, к каким сияющим вершинам мы вас ведём!»

Но зато получается нечто вовсе неестественное: под видом подготовки к будущей жизни мы требуем от своих учеников смирения и послушания, выполнения воли своих учителей и воспитателей, терпения и дисциплины, принятия ограничений в свободе – и всё это они должны считать как благо, творимое для их будущего. А так как школьники, в силу трагедии воспитания,

принять всё это безоговорочно не могут, – то вступают в силу санкции, наказания и тому подобные средства. Это есть одна из веских причин того, что суициды среди школьников устрашают, курение, алкоголизм и наркомания – ужасают, а в отношении сотни тысяч и миллионов детей-бомжей общество становится равнодушным.

Навязываемая нами туманная будущность не становится для наших учеников источников светлых мотивов. А в результате получается, что ученики отбывают школьные годы как наказание, а не проживают их как радостную полосу детства и юности.

Мы можем упростить для себя вопрос: мы вооружим учеников прочными знаниями, умениями и навыками, поможем, если получится, сориентироваться в выборе профессии, может быть, дадим какие-либо первоначальные профессиональные навыки, – это и будет их подготовкой к будущей жизни, или, просто к жизни, а дальше пусть сообразят сами.

Однако по опыту видим, что от школьных знаний молодые люди освобождаются с лёгкостью и сразу, как только покидают школу. Мудрость Альберта Эйнштейна поможет нам понять смысл школьного образования: образование это то, говорит он, что остаётся от школьных знаний, когда забывается всё.

Жизнь наших учеников дальше будет строиться не на базе школьных знаний, а на основе совсем других знаний, которые они приобретут сами по подсказке самой жизни и по велению собственных интересов и обстоятельств.

У нас нет никакой уверенности, что в школьных знаниях, которые именуются основами наук, действительно заложены основы будущей жизни. Основы наук нельзя возвести над основами жизни. Эти знания, пусть даже обширные и глубокие, займут в многогранной жизни людей не столь значительное место, чтобы стоило из-за них жертвовать прекрасными годами жизни. Роль, притом, важнейшую, могут сыграть, как это ни парадоксально, формальные удостоверения (аттестаты, дипломы и т.п.) о полученных знаниях. Эти бумаги дадут им право продвигаться в жизни, притом, не в жизни в целом, а в некоей узкой её сфере, где можно иметь материальное обеспечение. Школьные знания не решают действительно насущные проблемы жизни: общения и труда, смысла жизни и устремлённости, благородства и преданности, любви и верности, воспитания собственных детей и социальной активности, духовности и веры и т.д. Для школы все эти основания жизни или не существуют, или о них может быть лишь замолвлено слово.

В педагогической среде то и дело блуждает ещё одно понятие: приспособить (адаптировать) молодых людей к жизни. Что значит приспособить? Если жизнь вокруг молодых людей недостойная, к чему мы их будем приспособлять? Саму жизнь трогать не будем? А только научим молодых людей, как себя вести, чтобы эта недостойная жизнь не раздавила их – так, что ли? Или, может быть, научить их, как найти выгоду от этой непригодной жизни для своих личных целей – так, что ли?

Самой жизни такое приспособленчество ничего хорошего не принесёт. Принесёт застой и нечто худшее. Жизнь двигается не тогда, когда люди перестраивают себя в пользу сложившихся условий, а тогда, когда они начинают менять одни условия на другие, более лучшие. Понятие адаптации хорошо применяют в особых сферах образовательной деятельности, но в отношении подготовки к жизни оно несёт заблуждение.

* * *

Птицы отдали своих птенцов в школу Совы.

Сова в безлунную ночь усадила учеников на ветку и приступила к подготовке их к жизни.

Она дала им ЗУНЫ об основах наук безлунной ночи, о философии одиночества в дупле, о зверином правопорядке ночного леса.

Потом провела ЕГЭ, выдала всем аттестаты зрелости и сказала: «Живите!» Сама же срочно залезла в дупло, ибо наступило утро и взошло Солнце.

Выпускники оглянулись: нет безлунной тьмы, нет одиночества, нет ночного леса. Как жить?

Они закричали Сове в дупле:

– Ты готовила нас для ночной жизни в лесу, а мы – птицы Света. Как же теперь нам жить?

– Разберитесь сами... – выдохнула Сова из дупла и погрузилась в философию одиночества.

А теперь о том, хотят ли дети, чтобы взрослые готовили их к будущей жизни (говорят иногда – «большой жизни», «настоящей жизни», ибо считается, что жизнь школьников ещё не есть ни большая, ни настоящая. Но какая же тогда она?).

Прямого ответа на этот вопрос – «да» или «нет» – мы не найдём.

Нам надо сперва разобраться, что есть хотение и из каких переживаний оно складывается.

Одной группе психологических свойств Ребёнка присуща тяга к будущему, тяга побыстрее шагнуть в него, или же перетянуть его на сегодня. Такими свойствами являются: желания, потребности, чаяния, интересы, планы, мечтания, фантазии, зов сердца, стремление к совершенствованию, смысл жизни (может быть, ещё кое-что такого рода). В каждом из этих свойств заключена сила, которая побуждает Ребёнка шагнуть в будущее. Их своеобразный синтез превращается в осознанное или мало осознанное актуальное чувство хотения. Оно объединяет энергетические импульсы вовлечённых в него психических актов и становится силой, которая направляет Ребёнка на поиск условий, его удовлетворяющих. А эти условия будут находиться на некоем – большом или малом – расстоянии от настоящего и, порой, от окружающего актуального пространства тоже. Значит, чтобы удовлетворить хотение (а оно этого требует), нужно шагнуть в будущее, при этом, если только возможно, не дожидаясь его, а перетягивая в день настоящий!

Между хотениями Ребёнка и хотениями взрослого есть большая разница: Ребёнок нетерпелив в удовлетворении своего хотения, взрослый же может отложить свои хотения до поры до времени или вовсе отказаться от них.

Здесь надо сослаться ещё на одно понятие – ожидание. Если Ребёнку обещают исполнение какого-либо сильного желания спустя, скажем, неделю, то эта неделя наполнится переживанием ожидания, и он с нетерпением будет ждать, когда же наступит назначенный день. Эти периоды ожидания таят в себе воспитательные возможности: Ребёнок становится более податливым, послушным, ради исполнения обещанного может проявить волю для выполнения своих обязанностей и, сверх того, которые иначе для него в тягость. Если только воспользоваться периодами ожидания мудро, можно будет развить в Ребёнке волю, терпение, понимание, согласие; можно помочь ему отказаться от дурных привычек и нежелательных устремлений.

Однако будет очень опасно для воспитания, если взрослые не сдержат своего слова, не выполнят обещанного. Если ожидаемое будущее не состоится, это вызовет в Ребёнке самые отрицательные эмоции и чувства, среди которых будет недоверие и к взрослым, которые обманывают, и к будущему, которое изменчиво.

Дети без хотения не бывают. А природа хотения показывает, что они, хотя не совсем осознанно, тянутся к завтрашнему дню, лучше сказать, к ближайшему, а не отдалённому будущему.

Но в Ребёнке есть ещё одна мощнейшая природная сила, которая устремляет его к своему завтрашнему дню ещё больше – это страсть к взрослению. Ребёнку не терпится быть более взрослым, чем он сейчас уже есть. С возрастом эта страсть меняет формы и содержательный смысл проявления всё больше усиливается, пока не наступит время её угасания.

Мудрецы скажут: после двадцатитрёхлетнего возраста никто маленьким не является.

Наступит чувство взрослости, и страсть к взрослению прекращается. Ребёнку же, который мучительно переживает эту страсть и ищет условия её удовлетворения, взрослые часто напоминают: «Ты ещё маленький... Тебе это пока нельзя... Пока тебе рано этим заниматься... Вот поумнеешь, тогда и разрешим...» Иногда и запрещают лезть туда, где им не место.

Детство есть процесс взросления, а взросление есть процесс вхождения в будущее; а так как оно есть страсть, то без мудрого участия взрослого Ребёнок может запутаться. Он может с лёгкостью перенять дурные привычки взрослых, может попасть в дурную компанию, может сквернословить, самовольничать, причинять себе непоправимый вред.

Страсть к взрослению может стать педагогическим инструментом в руках взрослого, и он обязан применять его мудро, помочь Ребёнку взрослеть и даже ускорять ход взросления, направить его на путь самопознания и самосовершенствования, помочь задуматься о смысле жизни и о своём предназначении.

Вывод из всего сказанного один: да, вся сущность Ребёнка стремится к будущему, но к

такому, в радиусе которого его хотения сохраняют напряжённое устремление. Но чтобы принять смысл более отдалённого будущего, которому он подчинит свою свободную волю, Ребёнок нуждается в подготовке.

Если завтра предстоит долгожданный поход, не будет ли он готовиться сегодня?

Если в ближайшем будущем предстоит долгожданная поездка, не будет ли он заблаговременно думать, что возьмёт с собой, и не будет ли заранее укладывать чемодан.

Если завтра будет урок любимого Учителя, не будет ли он сегодня готовить его задание?

Если собирается купить велосипед, не будет ли месяцами копить в копилке деньги.

Если решил участвовать в будущем году в олимпиаде интеллектуалов, не будет ли он уже в этом году целенаправленно готовиться к ней?

Если он действительно решил стать физиком, не будет ли в течение предыдущих лет проявлять свои способности и ставить физические эксперименты?

И если кто придёт к нему помочь готовиться к желанному будущему, будет ли он с порога опровергать такую помощь?

Но Ребёнок категорически не приемлет никакую помощь, никакую заботу учителей и воспитателей о нём, если они переходят в принуждение, навязывание. Он не будет считать за благо никакую заботу от своих учителей и воспитателей о его будущем, если она – забота – не согласована с его сущностью. Настоящая жизнь Ребёнка весьма богата и многогранна. Суживать её до учения или до выработки навыков вызовет в нём волну протеста и негодования. В школах, где авторитаризм является нормой, дети могут сказать, что там у них жизни нет.

* * *

Дорогие коллеги!

Хочу сам разобраться в источниках, откуда могу впитать в себя смысл жизни; хочу разобраться в соотношении трёх времён, которые называются прошлым, настоящим и будущим. Вы проследите, пожалуйста, за ходом моих размышлений и, если сочтёте нужным, сделайте для себя выводы. Мои размышления являются вариацией на темы уже известных философских проблем.

Говорят, пишут, исследуют – что Библия полна предсказаниями, загадками и знаками, при разгадке которых мы бы могли узнать многое о своём будущем, о будущем человечества вплоть до конца Света.

Говорят, исследуют – что Нострадамус предсказал события, которым суждено произойти в будущем – более или менее отдалённом. Часть предсказаний нашла подтверждение, ибо исполнилась. Часть ждёт своего часа, чтобы исполниться. Часть же предсказаний пока не поддаётся распознаванию.

Говорят, пишут, подтверждают – что болгарская слепая женщина Ванга была ясновидящей и многим предсказала будущее, многих предупредила о надвигающихся бедах; предсказала о событиях, которые произошли или произойдут в будущем на Земле. Среди тех, которые свидетельствуют о верности предсказаний Ванги, есть весьма уважаемые люди, в том числе науки, которым можно верить.

Все мировые религии, многие мудрецы, философы и мыслители, которые наполнили разум человечества идеями, утверждают, что душа человека есть бессмертная сущность; утверждают ещё, что существуют Высшие Миры, в которых продолжается жизнь духовного плана; есть Царство Небесное – мир бессмертия и блаженства. Истина эта, как утверждают духовные и философские учения, может быть познана только в духе каждым отдельным человеком, потому она личностная. Она и порождает веру или укрепляет её в душе человека. И если он задаст самому себе вопрос – в чём смысл жизни, сам же найдёт ответ: познавать и совершенствоваться. В этой формуле отражается всё содержание духовно-нравственной жизни человека, его отношения к самой жизни, ко всему, что на Земле и на Небесах. Путь его будет направлен к Свету, к Высшим Мирам, к Богу.

Можно ли перечеркнуть невидимую вечную жизнь одним отрицанием: «Не верю»?

Если кто скажет, что во всём этом ложь, и обратится к науке, то она не сможет оправдать его ожидания. Но своя вера заставит его выбрать соответствующий смысл жизни: «Бери от жизни

всё», и путь его будет направлен к земным благам и удовольствиям.

Можно было бы тут размышлять о том, к чему могут быть направлены образование и подготовка подрастающего поколения к будущей жизни, но реальность до той степени очевидна, что размышления мои на этот счёт излишни. Скажу только: в словаре авторитарной педагогики тоже существуют понятия: духовность, гуманность, радость, любовь и т.д. Но всё дело в смыслах этих понятий.

Можно ли быть гуманным, но оставаться авторитарным? Можно ли говорить о духовности, опровергая дух?

Можно ли любить без чувства сострадания?

Можно ли предложить ученикам, чтобы они радовались учительскому авторитаризму?

Примет ли такой подход мудрость: иметь собственность без чувства собственности?

И в чём же будет заключаться смысл подготовки учеников к будущей жизни? В том, по всей вероятности, чтобы они преуспели в продвижении по карьерной лестнице и приобретении материальных благ. Как это может произойти? Так, как подскажут условия жизни, без особой оглядки на нравственность.

Я оставляю эту тему, она для меня очень скучная и грустная.

А воодушевляет меня идея о познании и совершенствовании смысла жизни. Самосовершенствование происходит через расширения сознания личности и через преобразование ею внешнего мира. Самосовершенствование, по сути своей, есть сложный путь впитывания Света, или, как говорил Лев Николаевич Толстой, очищения себя, чтобы дать возможность проявиться в нас Вечному Свету. Как можно заниматься самосовершенствованием, если не творить общее благо, не мыслить о вечном, не восполниться заботой о человечестве?

* * *

Вот прекрасная космогоническая притча, которую я вычитал из Учения Жизни. Через неё мне будет легче выразить свои отношения.

Жило ужасное чудовище, пожирающее людей. Однажды оно преследовало очередную жертву. Человек, спасаясь, нырнул в озеро. Чудовище прыгнуло следом за ним. Ища спасения, человек прыгнул на спину чудовища и крепко схватился за торчащий гребень. Чудовище не могло перевернуться на спину, ибо его брюхо было незащищено.

Но человек думал, что он своим отчаянным положением спасает человечество, и в этой мировой мечте силы его напрягались без устали. Чудовище, между тем, так ускорило бег, что искры летели огненным хвостом. И в пламени чудовище стало подниматься над Землёю. Мировая мысль человека подняла даже врага. Когда мы увидим комету, пошлём свою благодарность отважному всаднику чудовища. Мысли наши дадут ему новые силы.

Вот какой вывод следует за притчей:

«Устремите себя на руководящую мысль о помощи человечеству. Думайте ясно, что вы делаете не личное, не групповое, но абсолютно полезное дело. Делаемое вами без времени и пространства является трудом на соединение миров. Храните руководящую огненную мысль».

Руководящая огненная мысль есть устремлённость к морю Света.

* * *

О прошлом, настоящем и будущем.

Можно ли эти времена в нашем сознании слить как единое целое?

Прошлое, конечно, останется прошлым, настоящее – настоящим, будущее – будущим. Но может ли наше сознание, исходя из понятия вечности, найти в них то, что составляет основу человеческой жизни в мире земном и в мире надземном? Если мы найдём решение этой загадки, тогда смысл подготовки подрастающего поколения к будущей жизни обернётся другой, более светлой стороной.

То, что было, то ушло. Но ушло ли насовсем.

То, что будет, ещё не наступило. Но так ли это на самом деле?

Что же делает настоящее: в нём нет ли ничего из прошлого и ничего из будущего?

Для того чтобы мы жили, проявляли себя, общались, созидали, творили, переживали, мыслили, достигали, радовались, огорчались и т.д. – нам нужно только настоящее, оно реально, материально, актуально. Оно сейчас и здесь. Но весь смысл в том, что без присутствия в нас прошлого и без присутствия будущего не будет настоящего. Жизнь происходит в нас самих, а не вне нас.

Завтра или более отдалённое будущее существуют не где-то там, а в нашем внутреннем, духовном мире; также как и вчера, которое без нас пропало бы бесследно. Что нам даёт прошлое? Оно оставляет в нас опыт, жемчужины знаний, продвинутое, расширенное сознание, переживания.

Всё это – суть Света. Всему этому нет конца, ибо над звёздами есть звёзды, над небесами есть небеса. В настоящем будет то же самое, только в другой, более расширенной спирали, которая без прошлого прервётся.

Что же сулит нам будущее?

Веру в новую спираль.

Вот какая задача передо мной возникает.

Вчера мы решили завести кирпичи для строительства храма.

Сегодня завезли кирпичи.

Завтра будем строить.

Но в этом ли суть нашей деятельности?

Смысл единства этих времён мы извлекаем через вопрос: из какого из этих времён к нам пришла идея построить храм?

Вряд ли мы сможем однозначно указать на какое-либо время.

Не было бы прошлого, мы бы не рискнули взяться за большое дело: нам нужны силы (знания, опыт, уверенность), и прошлое даёт их нам. Не было бы будущего, к которому устремлена наша сущность, у нас не было бы нужды что-либо строить. Не было бы настоящего, мы бы не осуществили идею строительства храма.

Таким образом, будущее вдохновляет нас, прошлое – обнадёживает, поощряет, вселяет уверенность, настоящее же двигает к созиданию.

Настоящее есть синтез прошлого и будущего. Выключите одно из этих звеньев – и не будет ничего, не будет творения. А все они вместе – одно целое, воплощающееся в настоящем, сегодняшнем дне, часе, даже в миге. Прошлое и будущее существуют только через настоящее. Жизнь протекает только в настоящем, но с опытом прошлого и с мыслью о будущем. В прошлое, которое есть календарная действительность, мы никогда не вернёмся. В будущее, которое тоже есть календарная действительность, никогда не перескочим, минуя настоящее. Есть одна непрерывная нить – вечность, которую мы можем ощущать и осознавать в себе. Она и называется в нашем земном понимании настоящим. Настоящее есть земное название космической вечности.

Конечно, от всего того, что может помешать нашему творчеству, и что нам осталось от прошлого, мы освобождаемся, но от накопленного Света освободиться не будем, ибо ради него мы и пришли в земную жизнь. Его и унесём с собой в жизнь неземную. То, от чего мы освобождаемся, – от ошибок и заблуждений, от нечистых мыслей и чувств, неверных жизненных шагов, – всё это отходы земного строительства. Отходы наши и есть прошлое. Но то, от чего не будем освобождаться, станет истиной и прошлого, и настоящего, и будущего, иначе – вечностью, которая без времени и составляет нашу нарастающую суть. «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный», – призвал нас Иисус Христос. Смысл жизни каждого отдельного человека есть непрестанное самосовершенствование, которого мы достигаем путём улучшения жизни, её условий и форм. Мы не можем совершенствовать себя, не думая о красоте жизни и не созидая прекрасное.

Все эти рассуждения я извлекал из основополагающей для меня идеи «Живой Этики»:

«Так надо строить, чтобы всё прошлое совпало с будущим. Разрушается всё ошибочное и случайное, но нить знания не должна быть нарушена. Не уступки прошлому, но поток вечности».

Прошу вас, дорогие коллеги, обратите внимание на зерно этого постулата: «Так надо строить, чтобы всё прошлое совпало с будущим». То есть, так, чтобы, как только возможно, не было бы отходов. Тогда прошлое и совпадёт с будущим, и это совпадение произойдёт вечно настоящим, которое движется с помощью энергии прошлого и магнитом будущего.

Я начал свои размышления, сославшись на предсказания о будущем. Если развивать эту

тему, то нужно будет принять допущения о том, что будущее в нашем присутствии уже существует, но не надо думать, что мы обречены на те события, которые ждут нас, которые там уже происходят, свершаются в разных периодах будущности.

Будет неверным считать, что мы обречены событиями будущего, ибо каждый человек наделён такой мощнейшей направляющей силой, какая есть личная Свободная Воля. Она, – эта божественная сила, которая есть качество Бога, – даёт нам возможность, даже власть – находясь в настоящем, управлять будущим. Если пророк скажет нам, что в будущем нас ждёт страшный суд, и мы поверим в это, неужели не направим нашу Свободную Волю к таким действиям и к такому образу жизни, которые помогут нам миновать или смягчить нашу участь.

В этом будущем уготовливаются события, которые вызываются нашей жизнью в настоящем. В настоящем мы сеем причины, их уносит прошлое, но в последующем настоящем мы получаем следствия. Возникает такая философская картина: наше прошлое не покидает нас, даже опережает наше настоящее, чтобы встретиться с нами как преобразованное настоящее.

Закон причин и следствий – незыблемый закон во всех сферах земных и космических проявлений. Что сеем, то и пожинаем. Мы вечные сеятели причин и пожинатели следствий. Но надо отдать должное этому универсальному закону: следствия всегда будут превосходить причины. Сказано: посеешь ветер, получишь бурю. Если посеем любовь и добро, получим Свет и восхождение. Посеем злобу и ненависть, получим тьму и проклятие. А если сеятель окажется мудрым, он будет сеять постоянно только искорки Света и будет также постоянно пожинать лучики Света.

Но надо знать, что сколько бы ни было в нас Света, – море, океан, – на пути вечности и беспредельности всё равно будем жаждать его.

* * *

Дорогие коллеги!

Этот философский экскурс понадобился мне, как вы, конечно, догадываетесь, для своих педагогических выводов. Точнее, я попытался представить вам философский подтекст моего педагогического текста.

А теперь предлагаю вам выводы в связи с пониманием смысла подготовки школьников не к будущей жизни, а к основам жизни. Для этого нужно:

Первый вывод.

Воспитывать в них жизнь с помощью самой жизни. «Дети не готовятся к жизни, они уже живут», – так сказал Константин Дмитриевич Ушинский.

Второй вывод.

Помогать им впитывать в себя универсальный закон причин и следствий, – он действует и в большом, и в малом, – и научиться строить по нему жизнь.

Третий вывод.

Помогать им впитывать в себя универсальный смысл жизни: совершенствовать себя через совершенствование жизни вокруг себя и внутри себя.

Четвёртый вывод.

Развивать в них возвышенные воображения и устремления к прекрасному, научить и помогать им воплощать воображаемое в реальность.

Пятый вывод.

Развивать в них способность направлять свой взор на свой внутренний мир, где они могут открыть свое предназначение, свою миссию и где они могут постигнуть смысл служения Свету.

Шестой вывод.

Устремлять их сущность к благородству и великодушию, к творению блага и любви, и

объяснить им, как происходит гранение алмаза духа.

Седьмой вывод.

Если всё это по-прежнему будет именоваться подготовкой наших учеников к будущей жизни, – то пусть забота о будущем нисколько не умалит жизнь настоящую, пусть будущее освещает своим присутствием настоящее, пусть будущее станет дыханием настоящего, пусть настоящее станет как будущее.

* * *

Чем славится Поэт?

Стихами, которые западают в сердце.

Стихи – искорки Света Поэта.

Чем славится Художник?

Картинами, которые вселяют красоту.

Картины – искорки Света Художника.

Чем славится Композитор?

Мелодиями, которые обмывают душу.

Мелодии – искорки Света Композитора.

Чем славится Учитель?

Конечно же, уроками, которые воспитывают личность.

Уроки – искорки Света Учителя.

На уроках, прославляющих жизнь духа, рождается весь народ, вся страна, весь мир, вся планета.

Истоками всей светлой части Ноосферы, рождённой и рождающейся непрерывно, являются миллионы светлых уроков.

Уроки жизни духа творят Дух Планеты.

Но уроки безжизненные и бездуховные, как и подобного рода стихотворчество, музыка, живопись и вся псевдокультура, набрасывают на Ноосферу тени и пятна, которые разводят невежество, безнравственность, злобу и безвкусицу.

Есть люди, которые могли бы стать светлыми, но такими не стали, – это потому что им не достались светлые уроки своих учителей.

* * *

Учитель и Урок – целостное явление.

Нет Урока без Учителя.

Учитель есть творец Урока.

Урок есть альфа и омега школы.

Урок – искра знаний, которая рождается во внутреннем Свете Учителя и дарится ученикам.

Но во что урок превратился на деле и в обнаученной туманности?

«Какая у вас нагрузка, коллега?»

«Нагрузка» – это количество уроков в неделю, на основе чего исчисляется зарплата.

Учитель загружен уроками!

«Нагрузка» – понятие не очень-то радостное. Имеется виду, что на Учителе лежит какая-то тяжесть. Он сбросил бы её со своих плеч, но не может, от неё зависит материально. Но если ещё учесть, что каждый урок есть весьма нелёгкая система общения, то будет понятно, что «нагрузка» и «сверхнагрузка» согнёт в плечах любого учителя, для которого уроки обнаученные формы

обучения, а не проба своих сил и сил своих учеников. Учитель, для которого «нагрузка» есть тяжесть, достоин сожаления: он грустный, озабоченный, раздражённый, злобный, спешащий, кричащий... Для него класс – это гнездо зла. Какие там «индиго», какие там «дети Света», «дети нового сознания»? Таковые для него не существуют.

«Нагрузка... нагрузка... нагрузка»... Это слово, в общем-то, полезное, но для физического мира.

Чем чаще будем повторять и мыслить его в связи с уроками, тем оно, в конце концов, сделает уроки действительно тяжёлым грузом. Мы должны отдать должное нашему подсознанию, которое незаметно для нас впитывает в себя часто повторяемые образы, а потом также скрыто влияет ими на наше сознание и на наши последующие восприятия. В данном случае груз есть груз – тяжесть. Хотя мы вкладываем в это слово вроде бы не тот смысл, который оно несёт, а смысл – количество уроков-часов, которыми определяется зарплата. Но почему выбрали именно это слово – «нагрузка», когда можно было бы пользоваться словами: оклад, жалованье, зарплата?

Если уроки для учителя нагрузка, чем же они будут для учеников? Тоже нагрузкой? Ведь им приходится сидеть на уроках в неделю 20–24 часа в начальных классах, а 40–45 часов – в старших! Вот и приходится говорить о перегрузке учеников.

Может быть, оставим в покое слово «нагрузка» в связи с уроками, ибо наша педагогическая речь без этого и подобных ему слов станет ещё чище, а в наших отношениях к Уроку не зародятся подсознательные негативы.

Скажем о других негативах тоже, чтобы снять с Урока лишние характеристики, ограничивающие его смысл.

Вот обычный вопрос в учительской:

– Коллега, чем вы были заняты?

Вот и обычный ответ:

– Проводил урок, чем же ещё...

Как будто по-другому и не скажешь: провёл урок, провожу урок, проведу урок. В этих «провожаю урок», «проведу урок» положительных эмоций, должно быть, очень мало.

У учителя есть нагрузка, вот и провёл он сегодня свои пять-шесть уроков, выполнил свою обязанность, свалил с себя груз, вздохнул облегчённо. Чувство служения, чувство радости в этом «провожаю урок» не звучит. В нём не звучит радость. Каково же будет ученикам, которым Учитель провёл очередной урок?

В общем, мне не нравится «проводить урок», так же как не нравится ещё одно выражение из учительской профессиональной лексики: дать урок.

Как это можно – дать Урок?

Это выражение имеет весьма грустный подтекст: учитель даёт урок, если кто хочет, пусть берёт, ему не жалко, таких уроков-штампов у него много. Кто же не захочет взять уроки, пусть пеняет на себя, ему самому хуже будет.

Урок даётся, не глядя в глаза ученикам. Логика нехитрая: учитель даёт ученикам «качественный» урок; но ученики, со своей стороны, должны ведь качественно его принять: быть дисциплинированными, внимательными, выполнять задания, отвечать на вопросы, уважать учителя.

Учителей, которые дают уроки, называют даже не учителями, а урокодателями, то есть, равнодушными к тому, чем они занимаются.

Давать урок и проводить урок имеют в принципе одно и то же содержание.

Дать урок не значит Дарить Урок.

Дать урок можно без жертвы со стороны учителя. Это ученикам надо будет жертвовать, чтобы брать урок, в котором нет учительской души. От таких уроков в них остаётся равнодушие, отвращение, неуважение, безответственность.

Но если дарил бы Учитель своим ученикам Урок – это означало бы, что в нём чувство заботы, ответственности, любви. Дар не состоится, если не знать, что может порадовать учеников, примут ли они этот дар с восхищением, с благодарностью, пригодится ли он им.

Урок как дар нельзя ни давать, ни проводить.

Урок творится и дарится как сокровенное.

Давая урок – учитель может глядеть в потолок.

Даря Урок – Учитель смотрит в глаза учеников.

Творить Урок означает – бережно и естественно вовлекать учеников в созидание самих себя.

Не будем распространяться о других речевых погрешностях, тоже умаляющих прямо или косвенно значение Урока и учительской творческой деятельности.

* * *

Спросят:

– Какая у вас нагрузка?

Отвечайте:

– Забываем это слово, ибо знаем радость служения.

Спросят:

– Как вы уроки проводите?

Отвечайте:

– Учимся творить Уроки, а проводить их забываем.

Спросят:

– Можете дать урок?

Отвечайте:

– Уже нет, ибо предпочитаем дарить их.

Спросят:

– Программу пройти успеваете?

Отвечайте:

– Мы ставим учеников выше программ, учимся приобщить их к знаниям.

* * *

С чем тебя сравнить, Урок, чтобы познать твоё величие и почувствовать твою возвышенную и возвышающую всех и вся сущность?

С чем тебя сравнить, чтобы навсегда отогнать от тебя наукообразную туманность, которая душит тебя, душит жизнь в великой Стране Образования?

Мы приносим тебе свои извинения.

Прости великодушно.

Мы заблудились, следуя за наукой и принимая тебя как некую «форму организации учебного процесса». Тебя – живую сущность – мы превратили в бездушную форму и заполнили нашими скудными деяниями вроде: объяснять, закреплять, проверять, контролировать, тестировать и т.д. и т.п. Наука педагогическая замуровала тебя, Урок, живую жизнь, – в безжизненные понятия. Она заслонила тепло и лучи твои, вытеснила из тебя основу твою – Любовь.

Мы заблудились. И хотя делали всё во имя детства, тем не менее наши старания не увенчались достойными успехами, а ученики всё больше и больше отдалялись от нас. Форма вела нас к формализму, в силу чего ты, Урок, стал для наших учеников приговором, а для нас – нагрузкой и условием прохождения программы.

Мы каемся.

Ты никакая не форма, а живая основа образования.

Ты, Урок, призван обслуживать не только одну мелодию педагогической симфонии, которая называется обучением; в тебе должна звучать вся симфония, в которой сочетаются и гармонизируют все ведущие мелодии: образование, воспитание, духовность и нравственность, обучение и познание, развитие, смысл жизни, культура, предназначение... В тебе должна закипеть жизнь, которая перетягивает будущее в настоящее.

Ты, Урок, одно из прекраснейших понятий живого педагогического сознания, ибо ты возвеличиваешь:

– *духовность учительского разума,*

– *мудрость учительского сердца,*

– *благородства учительской души.*

Наше творящее терпение, устремлённость к благу и красоте зовут и напутствуют к

творчеству, которому нет конца, ибо выше звёзд есть звёзды.

«Учитель должен готовиться

к Уроку

всю жизнь», –

так сказал Василий Александрович Сухомлинский.

В недрах твоих, Урок, будет цвести наша гуманность, а дети Света обретут свой путь.

Мы будем творить и дарить тебя нашим ученикам. Ты, Урок, чаша из наших ладоней, в которой трепетно и заботливо вкладываем дары духа для наших учеников:

– *любовь,*

– *радость,*

– *культуру,*

– *смысл жизни,*

– *искорки знаний,*

– *мудрость сердца...*

* * *

Дорогие коллеги!

Урок и Учитель – единое целое.

Мы творим урок – значит, творим самих себя.

Каждый человек имеет свою неповторимую сущность.

Каждый урок имеет неповторимый почерк своего творца

Урок есть воплощение нашего сознания и нашего сердца.

Урок – это мы сами.

Урок есть субъективное творение, как стих поэта, как картина художника. Никогда не было и не может быть двух одинаковых уроков.

Каждый урок приходит в жизнь учеников один раз. Придёт он именно для них со своим Светом, придёт в назначенный час, одарит всех духовно-нравственным импульсом и поиском знаний, обласкает каждого в отдельности и сущностнообразно и уйдёт навсегда. Может быть, останется у учеников в их памяти, может быть, нет. Как запомнить все одиннадцать тысяч с лишним уроков, через которые проходит каждый школьник с первого по одиннадцатый класс. Но если Уроки рождались в море Учительского Света, если Учитель всю жизнь готовился для каждого Урока, то устремлённость к Свету никогда не покинет наших бывших учеников.

Урок – опережающее настоящее.

Уроку не нравится то, что на улице.

На улице – зима, а на Уроке – весна.

На улице – злоба, а на Уроке – возвеличивается благо.

На улице – невежество, а на Уроке – царство мысли.

Урок и улица – настоящие вложенные миры: одно дело, в каком мире живём, другое – как мы мыслим в этом мире. Лишь бы мыслили светлее в мире несовершенном, чем мыслили так же, как этот мир. Лишь бы стараться осветить невежество, чем приспособливаться к нему.

Урок – возвышает.

Улица – не возвышает.

Но запомни, Улица, этот день, который ты сейчас проживаешь, запомни, какая ты есть на этот час, сохрани в памяти безобразные образы этого дня!

Этот же самый день сейчас расщепляется на тысячи, сотни тысяч, на миллионы уроков в школах, и Учителя Света помогают детям Света наполниться Светом.

Пройдут годы... годы... десятилетия...

Придут дети уже молодыми людьми. И так как будут они признавать только устремлённость к Свету, то изменят облик твой, Улица сегодняшнего дня!..

Неужели говорим о чём-то утопическом?

Неужели образование не в состоянии изменить мир?

Ну, хорошо, отдадим дань материалистическому суеверию.

Но ведь ясно, что тьма старается изменить облик мира! Почему более успешнее Свет не

может изменить облик мира?

Главное, чтоб в само образование не проникла тьма. Если наше Учительское Сознание изменит образование, то оно изменит облик улицы, ибо образование со своими Уроками есть рассадник Света.

* * *

Дорогие коллеги!

Мы творим и дарим уроки нашим ученикам.

Но что есть творить и что есть дарить?

Давайте поищем своё толкование этих понятий, не заглядывая в словари.

Имея в виду подтексты и контексты наших рассуждений, «творить» должно означать поиск нового, непрерывное движение от несовершенного к совершенному, от менее совершенного к более совершенному. Творчество – путь к Божественному.

Мы творим тогда, когда устремлены к самопознанию, когда устремлены к красоте.

Мы – творцы – созидатели самих себя и своих учеников, когда творим и дарим Урок.

Творя и дая Урок, мы совершаем особый, может быть, самый утончённый и одухотворяющий вид педагогического общения.

Сказал Мудрец:

Легко быть садовником,

трудно стать уроком семени.

Легко давать и проводить уроки, не надо ломать себе голову: захотят ли ученики брать уроки, которые мы даём, будут ли они радоваться урокам, которые мы проводим для них. Если да – это хорошо, если же нет – это (как сейчас говорят равнодушные к чужим бедам люди) их проблема.

Дарить Урок исключает такие отношения.

Дарить Урок – значит: надо стать «уроком семени».

Что есть семя?

Оно есть сущность Ребёнка.

Сущность есть всё основание Ребёнка, стремящееся к проявлению. В нём – движение духовных и природных устремлений, желаний, способностей, предназначения; оно есть подтекст и контекст жизни Ребёнка, его радостей и огорчений.

Надо знать эту сущность. Во всяком случае, надо учиться и стараться предугадывать её движение, и пусть помогут в этом творчестве и сердце, и разум, и опыт, и знания, то есть весь тот Свет, который к этому времени мы уже успели впитать в себя.

Трудно быть Уроком семени, потому что он должен быть сущностнообразным. Урок должен задеть почти весь внутренний мир Ребёнка.

Но вот в чём наше испытание: как сделать, чтобы на одном Уроке задеть всех вместе и каждого ученика в отдельности. Если в классе тридцать учеников, то сущность каждого будет своя. Кому же надо дарить Урок: всем вместе и пусть поделят, кому что достанется? Или же сделаем так, чтобы урок достался каждому как можно в полном объёме. Может быть, пригодится для названия такого Урока образ «матрёшек», имея в виду, что в одном Уроке столько уроков, сколько и учеников в классе. Можно говорить и об уроке на волнах, когда каждая волна предназначена для возвышения того или иного ученика сообразно его сущности.

Сказано:

– Большому кораблю большое плавание.

Нельзя задерживать быстроходов, и нельзя не поощрять идущих медленно.

У каждого свой темп и свои способности познавать. Уравнивать темп и способности каждого нельзя, ибо мы нанесём вред личностному становлению. Получим не Урок, который дарит каждому в отдельности свой Свет, а урок, который рассчитан на некоего абстрактного среднего ученика, и пострадают все.

Того, кто всё это сочтёт абстракцией и у кого нет дела до каких-либо сущностей в учениках, назвать Учителем будет неправильно. Тот, разумеется, не станет уроком семени. Он, скорее всего, преподаватель, для которого важнее всего – пройти программу. Кто-то из них может быть назван

садовником, если умеет поливать цветы, стричь газоны, следовать за красотой и убранством сада, но думать не будет о том, чем живут корни прекрасных растений и зачем и почему у цветов такой запах и такие краски. Для него будет важнее не то, что нужно растениям и что порадует каждого из них, а то, что нужно хозяевам сада, и как им угодить. Именно в той мере, в какой нужен сад хозяевам, садовник будет знать и о растениях.

Каким должен быть дар, чтобы он был принят нашими учениками с восторгом, с восхищением, с удивлением, с интересом и признательностью? Какой должен быть Урок, чтобы ученики желали его и радовались ему? Какой должен быть Урок, чтобы он поощрял каждого в духовно-нравственном и познавательном продвижении?

Дар без дарителя не существует.

Чтобы Урок как дар состоялся, Учителю надо знать, как дарить его своим ученикам. Во-первых, дар должен быть:

- *желанным,*
- *неожиданным,*
- *нужным,*
- *жизненным.*

Во-вторых, сам процесс одаривания должен быть:

- *искренним,*
- *естественным,*
- *красивым,*
- *искусным,*
- *торжественным.*

Ученик должен чувствовать, что его Учитель:

- *любит его,*
- *заботиться о нём,*
- *предан ему,*
- *верит в него.*

Что может остаться в качестве учительского дара в каждом ученике? Может остаться:

- *радость от познавательного успеха,*
- *одухотворённые знания,*
- *чувство ожидания.*

Урок!

Ты – пучок искр из Света и Знания.

Каждая искорка рождается в пламени огня учительского Сердца и Разума.

Там любовь, мудрость, духовность, забота.

Возьмёт разум учителя формулу H_2O и скажет ей: «О, Вода, ты величайшая стихия Природы, ты условие жизни на земле. Скрываешь в себе много могущественных тайн, но осторожно открываешь их людям. Видно, ты поступаешь мудро, ибо люди – как дети, которым нельзя давать в руки даже хлопушки, пока не подрастут, не поумнеют. Вот, овладевает человек знанием, как расщепить тебя и как получить власть над огромной энергией. Ты сила созидания, но можешь стать силой разрушения. Всё зависит от того, как к тебе отнесётся человек. Потому знания о тебе направлю я в сердце своё, чтобы оно стало облагороженным, одухотворённым».

Спускается в сердце Учителя H_2O . Скажет сердце: «Ты живая мыслящая сущность, умеешь откликаться на мысли, слова, чувства и дела человека. Ты умеешь радоваться и обижаться. Ты любишь орошать и облагораживать нашу жизнь, жизнь всего сущего на Земле. Но ставишь нам условие: мы должны чтить закон блага, закон эволюции, закон причины и следствия. Иначе, ты сделаешься наводнением, ливнем, штормом, цунами и проучишь нас. Ты прекрасна, когда мы любим тебя, любим природу, любим друг друга, когда создаем вокруг себя красоту. Ты благородна, как и вся Природа, и призываешь нас тоже быть благородными. Нам нужно научиться не гневить себя, а сотрудничать с тобой». Поспешит учитель к ученикам с формулой H_2O . Она уже искорка знания, рождённая в Свете учителя. Она одухотворена, обезврежена для людей, для природы, для космоса. Искорка искрится. Учитель показывает ученикам опыты с водой, а школьники: «Ой, как здорово!.. Ох, как интересно!..» Учитель просветляет сердце и разум учеников, посвящает их в тайны жизни воды и жизни людей...

Дар состоялся: формула ожила для учеников. Они не будут обижать воду, полюбят ручейки, реки, озёра, моря, ледяное поле. Будут уважать воду в теле человека. Вода порадует добродушному слову, добрым мыслям, чувствам и поступкам.

* * *

Какие Уроки нужны нашим ученикам, о чём с ними надо говорить на уроках?

Наши ученики – это дети Света, они рождены, чтобы мыслить космически, но жить духовно-нравственными законами Земли. Им нужны Уроки, через которые они смогут осознать их сопричастность к двум мирам. Пусть поможет нам перифраз мысли Николая Бердяева, чтобы уточнить эту идею: человек сопричастен к Миру Высшему, который он в духе отражает, и к Миру Земному, судьбу которого он разделяет.

Но с нашими учениками может случиться то же самое, что и с человечеством: они могут так погрузиться в земные проблемы и переживания, что забудут о своей причастности к Миру Высшему. Но мы можем помочь своим ученикам, чтобы они не потеряли память о будущем и не порвали связь с Высшим Миром.

Потому нам придётся дарить нашим ученикам Уроки:

- о жизни и о смысле жизни,
- о Земном Шаре и о Звёздном Небе,
- о жизни материальной и о жизни духовной,
- о предназначении, о долге и о служении,
- о самосовершенствовании и о благе,
- о любви и о творящем терпении,
- о том, что тело есть инструмент духа,
- о добром разуме и добром слове,
- о сердце и о чувствах,
- о собственности без чувства собственности,
- о вере, о благе, о заповедях,
- о мужестве и о преданности,
- о Свете и о тьме...

Дар будет принят, если уроки такого склада будут преподнесены в атмосфере искренности и доверия, свободного и непосредственного общения.

* * *

Кто есть Учитель Света?

Любой, кто устремлён впитать в себя море Света.

Устремлённый к свету уже есть Светоносец.

Учителя Света живут, творят, общаются, как подобает Свету.

Учитель Света общается не с самим учеником, какой он сейчас есть, а с его воображаемым светлым образом из ближайшего будущего.

Учитель Света верит в каждого ученика.

Он отдаляется от понятий и слов, которые могут унижить или осквернить его учительское достоинство.

Учитель Света скромный, благородный, великодушный.

Учитель Света перекрывает педагогическое невежество Светом.

Учитель Света на уроке – сама жизнь.

Он – загадка для своих учеников.

Он для них – неожиданность, удивление и восхищение.

Он – естественность, непосредственность и красота.

Он – забота, защита, надежда.

Он – открытость и честность.

Он благодарит учеников за то, что они помогают ему стать мастером педагогического труда.

Он может позволить себе извиниться перед учениками: «Урок не получился».

Он может сказать своим ученикам: «Дайте мне домашнее задание – какой урок для вас приготовить».

Он может принести ученику в подарок на день рождения Урок.

Он позволит себе отменить программу, если она противоречит духовно-нравственному и познавательному развитию учеников.

Он может сделать своих учеников соавторами учебников.

Бушети, Грузия.

25.07.2008.

Детей и педагогику я люблю

С раннего утра он садится за свой письменный столик под сводами. Пишет роман, которому суждено стать шедевром мировой культуры. Ему трудно оторваться от стола, трудно отложить перьевую ручку хоть на час. Но в его духовный мир врывается толпа крестьянских детей – оборванных, грязных, худых. Они шумят, дерутся, играют, валяются на полу.

Он испытывает прямо-таки физическое беспокойство, на него находит тревога, ужас вроде того, который испытывал бы при виде тонущих людей. А тонуть может самое дорогое, именно то духовное, которое очевидно бросается в глаза, видя светлые, часто ангельские глаза этих детей.

«Как бы не посмотреть Ломоносова, Пушкина, Глинку, Остроградского и как бы узреть, кому что нужно!» – вот в чём его тревога.

Но тревога смешивается в переживаниях радости и одухотворения.

Школа – это поэтическое, прекрасное дело, от которого ему так же трудно оторваться, как от начатых рукописей «Войны и мира».

Сердце зовёт к детям.

Они там, в его усадьбе, недалеко от дома.

Вырвавшись из кабинета и отмахиваясь от мужиков, преследующих его – графа – со всех крылец дома, он спешит к детям. Здание школы пока переделывается, и потому занимается он с ними в саду, под яблонями.

Там сейчас сидит приглашённый им учитель, а кругом школьники, покусывают травку и пощёлкивают липовые и кленовые листья.

Учитель учит детей по его советам, но всё-таки не совсем хорошо, что и они чувствуют.

Он идёт под яблонями. Можно пройти только нагнувшись, всё так заросло.

И он видит их, вот они – дети!

Они его очень любят.

Заметив его, они с радостными криками бегут навстречу, окружают. Одни завладевают его руками, другие держатся за его халат.

«Мы тебя ждали... Мы тебя ждали!» – кричат они.

«Вот и пришёл!» – говорит он.

Садится под яблоней. Дети плотно его окружают – как можно поближе к нему.

Душа его восторгается и тревожится.

Смотрит каждому в глаза, у каждого есть то самое главное, духовное, которое он лелеет. «Лишь бы узреть, кому что нужно!»

И он начинает им говорить.

Идёт время, но ему сейчас не жалко времени.

Беседуют три-четыре часа, и никому не скучно.

Потом они расстаются, он долго провожает их увлажнённым взором. «Нельзя рассказать, что это за дети, надо их видеть!»

Так возвращаются они домой каждый день, и сами того не понимая, оставляют учителю тайны своего бытия. И ему открывается то, чего никто не знает и с чем, как ему кажется, никто не согласится.

В то время соглашались с ним, может быть, не очень многие, а в основном те, которые могли его понять.

Но разве это было так только тогда, более чем 150 лет тому назад? И сейчас это так: с ним соглашаются и не соглашаются.

Так будет и в будущем, ибо обойтись без его мыслей уже не удастся никому, кто только займется высшим уровнем культуры педагогического мышления.

Лев Николаевич Толстой, мэтр мировой литературы, стал также мэтром мировой педагогики.

Идея свободного воспитания имеет много вариаций, но они, как круги от брошенного в пруд камушка: они красиво и быстро расширяются и исчезают. Идея свободного воспитания Льва Николаевича сама есть камушек, который не тонет в пруду, но кругов порождает невероятное количество.

Впервые познал он крестьянских детей, когда ему было 19 лет, и восхитился их непосредственностью.

Потом создал для них бесплатную школу и сам стал главным учителем в ней. Вскоре Яснополянская школа Толстого стала всемирно известной.

...Учитель входит в комнату, а на полу лежат и пищат ребята, кричащие: «Мала куча!», или: «Задавили, ребята!», или: «Будет, брось!..» Снизу кучи кто-то кричит учителю: «Вели им бросить!», другие кричат: «Здравствуй!..», и продолжают свою возню...

И тогда, 150 лет тому назад, и сейчас, в наше время, и в будущем, когда пройдет ещё 150 лет, было и будет трудно многим согласиться с тем, что нельзя кричать на детей, наказывать их, приводить в чувство.

А он в противовес всем тогдашним и будущим учителям, назло всем авторитетам упорно будет повторять:

– Поймите, свобода есть необходимое условие всякого истинного образования как для учащихся, так и для учащихся. Угроза наказаний и обещание наград, связанных с теми или иными знаниями, не только не содействуют, но более всего мешают истинному образованию!

...Тем временем учитель берёт из шкафа книжки и раздаёт ученикам, которые подошли к нему. Некоторые тоже требуют книжку. Стопка понемногу уменьшается. Как только большинство взяли книжки, все остальные бегут к шкафу и кричат: «Дай и мне... Дай мне вчерашнюю... Мне другую...» Если же останутся какие-нибудь два разгорячённые борьбой, продолжающие валяться на полу, то сидящие с книгами кричат на них: «Что вы тут замешкались... Ничего не слышно... Будет!..» Дух войны исчезает, и дух чтения воцаряется в комнате. С тем же увлечением, с каким дети дрались, они теперь читают книги, сомкнув губы, блестя глазёнками и ничего не видя вокруг себя, кроме своей книги. Чтобы оторвать их от учения, понадобится столько же усилий, сколько прежде – от борьбы.

Вы думаете, так не бывает, так нельзя?

Нужно, чтобы учитель показал им свою власть?

Тогда задумаемся над вопросом: что важнее иметь в классе – дисциплину духа или дисциплину «палки»?

Лев Николаевич не назовёт беспорядком то, что было при появлении учителя, а скажет: «свободный порядок».

Свободный порядок!

Это – новое понятие в педагогике, его ещё надо осознать, к нему нужно привыкнуть.

Если кому-то кажется, что это всё же есть беспорядок и коль он не наказывается, то так и будет расти, – будет неправ. В этом (для кого-то) беспорядке, а для Льва Николаевича – в свободном порядке учителем вносится живой интерес. Дети хотят учиться, за тем только и ходят в школу, и потому им весьма легко будет дойти до заключения, что нужно подчиниться известным условиям, для того чтобы учиться. И вскоре из этого свободного порядка вызреет дисциплина духа.

Лев Николаевич был уверен: при нормальном, ненасильственном развитии школы, чем больше образуются ученики, тем они становятся способнее к порядку, тем сильнее чувствуется ими самими потребность порядка и тем сильнее на них в этом отношении влияние учителя.

Подтверждение этого правила он обнаружил со временем.

Подумайте только: в течение двух лет при совершенном отсутствии дисциплины ни один ученик и ни одна ученица не были наказаны!

А что взамен?

Никакой лени, грубости, глупой шутки, неприличного слова!

Почему он выбрал путь, который противоречит всему «здравому» смыслу насилия и авторитаризма в образовании?

Он может стократно это объяснить каждому, но каковы бы ни были его объяснения, есть тайна, которая движет им, сталкивает его со всем миром: по-другому он не может, его сущность – свобода, естественность, справедливость. И он ищет всё это в себе. Если бы было возможно заглянуть в его духовный мир, где его сознание горит творящим пламенем, мы бы почувствовали, что есть безграничное богатство души человека, что есть Свыше дарящая Мудрость, и ещё осознали бы с грустью, что даже девяносто томов его трудов есть капля по сравнению с его духовной мощью.

Он верит в Жан Жака Руссо, который сто лет назад сказал: «Человек рождается совершенным».

Но сам выскажет мысль более полно и совершенно, доводя ее до мудрости:

«Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии, правды, красоты и добра».

Говоря иначе, человек сотворён по образу Творца. В «человеке», конечно, мыслится Ребёнок, ибо никто взрослым не рождается, и никто без воспитания человеком не становится.

Он-то рождается таким, но угрожает ли что проявлению в Ребёнке заложенного и нём совершенства?

Да ещё как!

Каждый шаг, каждый час жизни Ребёнка грозит нарушением этого совершенства, и каждый последующий шаг, и каждый последующий час грозит новым нарушением и не даёт надежды восстановления нарушенной гармонии.

И эту угрозу создают Ребёнку взрослые!

Они, если и думают о гармонии, то стараются достигнуть её, приближаясь к первообразу в будущем, удаляясь от него в настоящем и прошедшем. И они так уверены в себе, так преданы ложному идеалу взрослого совершенства, так мало умеют понимать и ценить первобытную красоту Ребёнка, что образование скорее изуродует его и всю гармонию в нём.

Вот какой чудный взгляд о воспитании совершенства и гармонии. Их, по сути, не надо воспитывать, чтобы, в конце концов, спустя годы что-то получить. Гармония и совершенство в Ребёнке уже существуют, и вся забота наша должна заключаться в том, чтобы уберечь их.

Так вносится в педагогическое сознание новый аспект – уберечь, сохранить, лелеять.

«Детей и педагогику я люблю!»

Сообщает он эту весть всему миру из Яснополянской школы.

Его слышат многие: кто – с восхищением, кто – с недоумением, а кто – даже с возмущением. Они не могут иначе, ибо люди они разные. На всякую мудрость у каждого есть своя мера.

«Наш мир детей – людей простых, независимых – должен оставаться чист от самообманывания и преступной веры в законность наказания, веры в то, что чувство мести становится справедливым, как скоро его назовём наказанием».

«Смешно!» – скажут правители государств.

«Смешно!» – подтвердят министры карательных органов.

«Смешно!» – скажут даже министры образования.

И что же это будет означать: что они такие дальновидные, глубоко мыслящие?

Но, может быть, наступит время, когда хоть в одном государстве, а может быть, даже на его родине скажут и президент, и его министры, и весь народ: «А ведь наш пророк – Лев Николаевич был прав! Пора воплотить его мудрость в действительность!»

Кто может спорить с Львом Николаевичем, когда он утверждает:

«Наилучшее отношение между учителем и учениками есть отношение естественности».

Кто это будет отрицать?

Тем не менее, он прибегнет к истории педагогики, чтобы подтвердить эту очевидность:

«Всякое движение вперед педагогики... состоит только в большем и большем приближении естественности отношений между учителем и учениками, в меньшей принудительности и в большей облегченности учения».

Да, это так, естественность – мать лучшей педагогики.

Но как быть с дальнейшей логикой, которая следует за этим утверждением:

«Противоположное естественному отношению есть отношение принудительности».

Да, это тоже так, скажет наша совесть. А разум и опыт восстанут: что же тогда делать с принуждением, насилием, наказанием, что делать со всей наукою, которая в своих текстах и подтекстах лелеет именно излюбленный путь авторитаризма? Авторитаризм и принуждение стали естественным состоянием большинства педагогов. Неужели все они хором станут признавать, что ошибались, и последуют по пути Льва Николаевича? Тогда им нужно будет принять три простых закона, которые обнаружил Лев Николаевич. Вот они:

1. *«Учителя всегда невольно стремятся к тому, чтобы выбрать самый для себя удобный способ преподавания».*

2. *«Чем способ преподавания удобнее для учителя, тем он неудобнее для учеников».*

3. *«Только тот образ преподавания верен, которым довольны ученики».*

Многих смутят эти истины. Потому лучше винить их, ибо как же иначе оправдаешься? Надо вначале сказать: «Это не совсем правильно», а далее привести суждения о том, что Толстой не мог иметь в виду наше время, он не мог знать современных детей, дай им толстовскую свободу, и они разнесут саму школу до основания. И вот тут-то действительно уже не поспоришь, правда Льва Николаевича вроде блекнет: он же имел в виду крепостных крестьян, а не детей компьютерной эпохи!

Но Лев Николаевич останется глухим к таким возражениям, он не поймёт авторитаров ни своего времени, ни времени нашего или более отдалённого от себя: может со временем меняться всё, но свобода остается свободой, ибо она вечна и в Мироздании, и в детях.

Он выдвинет более жёсткие условия. В чём вся трудность и вся борьба с детьми?

На этот вопрос мы получим от него следующий ответ:

«Все трудности воспитания вытекают из того, что родители (читай – учителя и воспитатели тоже. – Ш.А.), не только не исправляясь от своих недостатков, но даже не признавая их недостатками, оправдывая их в себе, хотят не видеть этих недостатков в детях».

Попытайтесь опровергнуть эту действительность – не получится. Так было, так есть.

А дети? Как они относятся к недостаткам взрослых (не только родителей, но и учителей, и воспитателей тоже)?

Лев Николаевич объяснит:

«Дети нравственно гораздо пронципательнее взрослых, и они, часто не высказывая и даже не сознавая этого, видят не только недостатки родителей, но худший из их недостатков – лицемерие родителей, и теряют к ним уважение и интерес ко всем их поучениям».

Дети замечают лицемерие взрослых и отверщаются. А если взрослые не поймут этого и так и будут жить в лицемерии, то они – дети – развращаются.

Всё это – азбука классической педагогики, которой принадлежит учение Толстого.

Есть ли выход, чтобы воспитание детей не пострадало?

Выход есть, но примут ли его взрослые?

Лев Николаевич предложил нам два правила, вытекающие из недр его мудрости.

Первое правило:

ничего не скрывать из своей жизни от детей.

Обоснование:

«Правда есть первое, главное условие действительности духовного влияния, и потому она есть первое условие воспитания. А чтобы не страшно было детям видеть всю правду своей и родительской жизни, надо сделать свою жизнь хорошей или по крайней мере менее дурной».

Второе правило:

воспитание других включается в воспитание себя.

Основание:

«Воспитание представляется ложным и трудным делом только до тех пор, пока мы хотим, не воспитывая себя, воспитывать своих детей или кого бы ни было. Если же поймешь, что воспитывать других мы можем только через себя, то упразднится вопрос о воспитании и останется один вопрос жизни: как надо самому жить? Потому что не знаю ни одного действия воспитания детей, которое не заключалось бы в воспитании себя».

Где то зеркало, в котором мы могли бы увидеть свою душу нараспашку? Где то зрение, которое помогло бы заметить пятна на ней? И где смелость, которая подвинула бы нас освободиться от них?

Если кто-то скажет, что зеркало души, и зрение духовное, и смелость духа в чьих-то других руках, а не в руках своих, – то он не Учитель или Воспитатель, он не Родитель толстовского духа. И вообще, трудно сказать, кто и какой он. Перед таким все будут неправы, и, тем более, дети. Прав будет только он.

Слово «взрослый» вовсе не эквивалент слову «воспитанный». Наша беда в том, что именно взрослые бывают невоспитанные, а не дети. Дети пока еще воспитываются. Невоспитанных взрослых очень много в обществе. От них и горе всему миру. Вообразите такое преуспевание семьи и школы, что все взрослые стали воспитанными и духовно, и нравственно. Можете понять, как изменилась бы жизнь, какая она стала бы? Трагедия невоспитанности не в том, что такой человек уже никогда не сможет преобразить и облагородить себя, а в том, что он и не считает себя невоспитанным. А раз уже взрослый, то воображает себя нормой в отношении маленького.

Но если кто осознаёт и переживает свою невоспитанность, свои дурные качества и наклонности, то он, имея хоть остатки совести, сможет обновить себя, даст светлomu ангелу восторжествовать в нем.

А воспитание нуждается в воспитанных, совершенных взрослых – родителях и учителях.

Кстати, о совершенном учителе.

Лев Николаевич называет одно универсальное качество.

«Для того чтобы... иметь сознание приносимой пользы, нужно иметь одно качество. Это же качество восполняет и всякое искусство учительское и всякое приготовление, ибо с этим качеством учитель легко приобретает недостающее знание. Если учитель во время трёхчасового урока не чувствовал ни минуты скуки, он имеет это качество».

Обратите внимание: он говорит не об усталости, а о скуке.

Но что это за универсальное качество?

Думаю, нетрудно догадаться:

«Качество это есть любовь».

«Да, мы любим детей!» – восклицали учителя времён Толстого, восклицают учителя и нашего времени. Но Любовь любит Свободу, она не терпит принуждения, не приемлет ничего противоестественного, она не оправдывает средства насилия ради достижения цели, цель и средства для нее неразделимы, благородная цель нуждается в благородных средствах.

А как же иначе?

Но это ещё не всё.

Лев Николаевич ставит всё на свои места:

«Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, как мать, он будет лучше того учителя, который прочёл все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель».

Кто учителю скажет, насколько он совершенный или к чему надо устремиться, чтобы совершенствоваться постоянно?

Только он сам, только его совесть.

В ноябре 1910 года Лев Николаевич Толстой в 82-летнем возрасте покинет земную жизнь. Но он не уйдёт из этого мира, не открыв нам самое сокровенное из своей духовной педагогики, которую он любил.

Письмо «О воспитании» – оно написано буквально за год раньше – в ноябре 1909 года. Это письмо, которое является итогом его педагогической жизни и творчества, можно рассматривать как завещание всем тем, кто может любить детей и педагогику так же, как любил он.

Лев Николаевич предлагает свои убеждения, не навязывая их нам. Предлагает их для пробуждения нашего педагогического сознания.

Убеждение первое:

«И воспитание, и образование нераздельны. Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое знание действует воспитательно».

Убеждение второе:

«Свобода есть необходимое условие всякого истинного образования как для учащихся, так и для учащихся».

Убеждение третье:

«Думаю, что одна такая полная свобода, то есть, отсутствие принуждения и выгод как для обучаемых, так и для обучающихся, избавила бы людей от большой доли тех зол, которое производит теперь принятое везде принудительное и корыстное образование».

Убеждение четвёртое:

«Отсутствие у большинства людей какого бы то ни было религиозного отношения к миру, каких-либо твердых нравственных правил, ложный взгляд на науку, на общественное устройство, в особенности на религию, и все вытекающие из этого губительные последствия – все это порождено в большей степени насильственными и корыстными приёмами образования».

Убеждение пятое:

«Для того чтобы образование, будучи свободно как для учащихся, так и для учащихся, не было собрание произвольно выбранных, ненужных, несвоевременно передаваемых и даже вредных знаний, нужно, чтобы у обучающихся, так же как и обучаемых, было общее и тем и другим основание».

Убеждение шестое:

«Таким основанием всегда было и не может быть ничто другое, как одинаково свободно признаваемое всеми людьми общество, как обучающими, так и обучающимися, понимание смысла и назначения человеческой жизни, то есть религия... Нравится нам это или не нравится, разумное образование возможно только при постановке в основу его учения о религии и нравственности».

Убеждение седьмое:

«Первое и главное знание, которое свойственно, прежде всего, передавать детям и учащимся взрослым – это ответ на вечные и неизбежные вопросы, возникающие в душе каждого приходящего к сознанию человека. Первый: что я такое, и каково мое отношение к бесконечному миру. И второй, вытекающий из первого: как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим, и что, всегда и при всех возможных условиях, дурным?»

Убеждение восьмое:

«Ответы на эти вопросы всегда были и есть в душе каждого человека; разъяснения же ответов на эти вопросы не могло не быть среди миллиардов прежде живших и миллионов живущих теперь людей. И они действительно есть в учениях религии и нравственности – не в религии и учении нравственности какого-либо одного народа известного места и времени, а в тех религиозных и нравственных учениях, которые – одни и те же – высказаны всеми лучшими мыслителями мира – от Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелия, Конфуция, Христа, Иоанна-апостола, Магомета до Руссо, Канта, персидского Баба, индусского Вивекананды, Чаннинга, Эмерсона, Рёскина, Сквороды и других».

Убеждение девятое:

«Думаю, что при постановке в основу образования религии и нравственности изучение жизни себе подобных, то есть людей, что называется этнографией, займет первое место, и что точно так же соответственно всей важности для разумной жизни займут соответствующие места зоология, математика, физика, химия и другие знания».

Убеждение десятое (ещё раз подтверждённое):

«Думаю так, но не берусь ничего утверждать о распределении знаний. Утверждаю же я

только одно: что без признания основным и главным предметом образования религии и нравственности не может быть никакого разумного распределения знаний, а потому и разумной и полезной для обучаемых передачи их».

Убеждение одиннадцатое:

«Главная и единственная забота людей, занятых вопросами образования, может и должна состоять, прежде всего, в том, чтобы выработать соответственное нашему времени религиозное и нравственное учение и, выработав таковое, поставить его во главе образования.

В этом, по моему мнению, в наше время состоит первое и, пока оно не будет сделано, единственное дело не только образования, но и всей науки нашего времени».

Лев Николаевич заканчивает своё письмо-«завещание» словами:

«Вот и всё, что имел сказать».

Но разве этого мало?

И разве это всё?

Бушети, Грузия.
12.06.2008.